

ТАТЬЯНА
ГАРМАШ-
РОФФЕ

ИСКУССТВО ДЕКТИВА

A close-up portrait of a woman with dark, ornate face paint resembling lace or gothic patterns around her eyes and on her forehead. She has light-colored eyes and is wearing large, dark, oval-shaped earrings and a matching ring. Her hand is raised near her face, with dark nail polish. The background is a deep red, textured surface.

ЧЕРНОЕ
КРУЖЕВО,
АЛЫЙ ЗАКАТ

Татьяна Владимировна Гармаш-Роффе
Черное кружево, алый закат
Серия «Частный детектив
Алексей Кисанов», книга 16

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=187122
Черное кружево, алый закат: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-37653-7*

Аннотация

...в глазах Костика заметался страх – неподдельный, жутковатый.

– Я не говорил тебе – боялся, что за сумасшедшего меня примешь! – но теперь, после твоих слов... Тут вот такая история... Мне в последний месяц все попадается девица одна. Довольно красивая, вся в черном, с ног до головы, только помада красная. Я иду себе по улице, а она навстречу. И смотрит на меня. Улыбается.

– По какой улице?

– Да в том-то и фокус, что по разным! И всегда – навстречу! Причем в разных местах! Степ, она за мной следит! Несколько дней назад я не выдержал, взял и спросил: «Чего вам от меня надо-то, девушка?» У меня до сих пор мурашки по коже... Я не

трус, но тут... Пробрало, Степ. Знаешь, чего она мне ответила?
«Как же мне с вами расстаться? Ведь я – ваша Смерть...»

Содержание

Часть I	5
Часть II	84
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Татьяна Гармаш-Роффе

Черное кружево, алый закат

*И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука...*

А.Блок

Часть I

Руки у нее сильные, некрасивые – сплошные мускулы; кисти крупные, ладони твердые. Ноги такие же прямые и мускулистые, крупная стопа, твердая ступня. Задница маленькая, плоская, а на копчике татуировка: ящерка, хвост которой уходит в прорезь между ягодицами. Обалдеть. Хорошо хоть кольцо себе не захреначила в клитор, а то ему и такая однажды попалась... Ох уж эти девки, которые всякой дурью пытаются придать себе оригинальности! Да на кой ему, мужику, такая оригинальность?! Ему нужна нормальная баба, с положенными природой округлостями, а с не жопой размером в два кулака и мышцами с анатомического плаката для старших классов!

А в ней ничего не было мягкого, округлого, женственного. Кроме, пожалуй, маленьких курносых сисек, чудом проросших на костлявых ребрах. Степан, впрочем, особо не стал с ними цацкаться. Из принципа. Она добивалась, чтобы он ее трахнул? Он трахнул. А ласки-нежности – это из другой оперетты. Это не с ней.

Он отвалился от нее сразу же, как только затихло последнее содрогание оргазма. Она с загадочной полуулыбкой смотрела в потолок. Затем потянулась к своей сумочке, валявшейся на полу вместе с одеждой, вытащила оттуда сигареты, закурила, не спросясь.

– Пепельница у тебя есть? – Она снова откинулась на подушку, рассматривая, как распрямляются завитки дыма, уходя вверх. Серебряные браслеты тонко звякнули, скользя по ее смуглой руке.

– Нет. Пойди на кухню, возьми блюдце в шкафчике. Там и докуривай. У меня в спальне не курят.

– Неужели я тебе до такой степени неприятна?

Степан немного смутился. Одно дело думать, а другое – сказать подобное в лоб. Женщине такое не говорят... Даже такому буратино, как эта Кира!

– Я не люблю табачный дым.

Кира, ничуть не стесняясь, соскользнула с постели и потопала в сторону кухни. При движении ящерка будто зашевелила хвостом между ее ягодицами, и в этом было что-то... зоофилия какая-то, честное слово!

Степан раскинулся на постели, благо она освободилась. И зачем он ей уступил? Она извела его за последний месяц почти прямыми предложениями переспать. Ну, извела просто! Он уже не знал, куда деваться... Хотя разгорелось любопытство: за этим что-то кроется? Какой-то сюрприз? Может, она в постели большая мастерица и хочет удивить его изысками?

Ну вот, переспали. И что? И зачем? Конечно, он ее начальник, – не исключено, что она хотела его расположить к себе, чтобы... Ну, прибавку к зарплате попросить, к примеру...

Да только? чтобы *расположить*, нужно же хоть какими-то достоинствами *располагать*! А тут ни рожи, ни кожи... Про «изыски» вообще молчим. Бревно бревном, только ноги раздвигала. Оно ему надо, такое?!

Ее подозрительно долго не было. За полчаса можно уже и полпачки выкурить. Что она там делает, интересно? Может, ест? Или в туалете сидит?

Степан решил еще подождать. Но через двадцать минут не выдержал и, натянув трусы, двинулся в сторону кухни. Заглянул по ходу в коридор: под дверью туалета света нет, в ванной тоже. Ладно, идем дальше...

Она сидела на кухне, голым задом на табуретке. Спина взгорбилась хребтом, резко натянувшим жалкую сухую кожу. Интересно, она себя диетами изводит, дура, или просто бог обделил?

Она не повернула голову в сторону двери, и Степан обошел стол. Зрелище ему открылось следующее: перед Кирой стояла бутылка водки, оплавляя замороженные бока, и стакан. Сама она клевала носом над ним. Опытным глазом смерив бутылку, Степан прикинул, что девица заглотнула не меньше двухсот, – бутылка была целой, нераспечатанной, когда он положил ее в морозилку. Еще примерно пятьдесят бездарно нагревалось в стакане.

Он подавил волну отвращения, смешанную с некоторой жалостью. Вот ведь уё... моё. Надо ж такой уродиться нелепой. И зачем он только ей уступил, чтоб ее!.. Возюкайся теперь с этой дурой!

Он взял Киру за обе руки, потянул с табурета в свою сторону. Она приподнялась и сразу же рухнула на него. Он ощутил мягкость ее груди. «Хоть какие-то половые признаки, – буркнул он мысленно. – А то трахнул неизвестно что...»

Пришлось ее обратно загрузить в постель – в таком-то состоянии. А он так надеялся, что она свалит... Одеть ее, что ли, и отвезти домой? Но кто там, у нее дома? У подъезда не высадишь, она ж и двух шагов не в состоянии сделать... придется ее до квартиры волочь, а там звонить... Мож, она одна живет, но как знать... С родней встречаться не хотелось. А мож, она и замужем, между прочим.

Он отыскал под одеялом ее правую руку: кольца не было. Ну, правильно, кому такое буратино нужно!

Степан посмотрел на ее лицо повнимательнее. Короткая

стрижка, спереди чуб косой, длиннее, чем остальные волосы, черный с рыжими прядями – ненастоящими, конечно, такие пряди в парикмахерских делают. Глаза у нее с азиатинкой: линия закрытых век имела легкую тенденцию к раскосости. А в общем, лицо как лицо, ничего особенного. Не красавица, прямо скажем. Но бывает и хуже. Так что ничего, кому-то и сойдет.

Он все еще продолжал размышлять, каким бы образом выдворить ее из квартиры, как вдруг Кира открыла глаза, резко поднялась на локте, затем свесилась с постели, содрогаясь. Ее рвало. Прямо на его дорогой ковер!

Его самого чуть не затошнило от отвращения. Он вскочил, схватил халат и вылетел из спальни, прикрыв за собой дверь, чтобы не слышать отвратительных звуков. Некоторое время он сидел на диване, не зная, что предпринять, – но, когда дверь открылась и Кира, бледная, показалась на пороге, робко спросив, где можно найти ведро и тряпку, – Степан принял решение. Он указал ей на кладовку, а сам быстро оделся, положил на стол деньги на такси и велел ей, когда протрезвеет, ехать домой, а дверь просто захлопнуть.

Остаток ночи Степан провел в гостинице, мучаясь от безразличия и недоумения. Спал он плохо, но долго. Проснулся только в половине девятого, позавтракал наскоро в ресторане. Ехать в офис нельзя: не одет подобающе, небрит. Ночью кое-как нацепил на себя вещи без разбору, лишь бы поскорее смыться.

По дороге домой он задавал себе вопрос: не могла ли она обчистить квартиру? Конечно, она у него работает, и паспортные данные у него есть, к тому же ее Дракошка привел – не с улицы девица, чай.

И все же...

Он открывал дверь с некоторым напрягом: что увидит дома?..

Увидел ее. Кира никуда не ушла, она сидела на диване в его халате. Умытая, причесанная, если данное слово уместно по отношению к аккуратно, поперек одного глаза, уложенному черно-рыжему чубу. Она подняла на него виноватый взгляд, но ничего не сказала.

– Почему ты еще здесь?!

– Мне пришлось одежду постирать... Она сохнет. А то я на пол ее бросила, раздеваясь, и когда меня затош...

– Понятно, – пресек Степан. – Я положу твои вещи в сушилку, через пять минут сможешь надеть. Где они?

– В ванной...

В его квартире веревок для сушки одежды не водилось, и эта придурочная Кира развесила свои шмотки на стойке для душа и на поручне вдоль ванны, напоминавшей скорее небольшой бассейн. Он снял все кучей, не разглядывая – трусы, лифчик, платье, – и отнес в сушильную машину.

Учуяв постороннее присутствие, он обернулся. Кира стояла на пороге кухни, крутя концы пояса от слишком боль-

шого для нее Степанова халата.

– А можно я...

Она умолкла.

– Ну, чего?

– Я есть хочу.

«Вчера ты не спрашивала, когда водяру скоммуниздила из морозилки!» – подумал он, но озвучивать не стал.

– Возьми в холодильнике, что захочешь.

Она вошла на кухню, а Степан из нее вышел, направился в спальню. К счастью, запаха не чувствовалось. Надо отдать ей должное, ковер она вычистила добросовестно и окошко открыла.

Он вытащил из шкафа костюм, рубашку, подобрал галстук... И вдруг, бросив все на кровать, вернулся на кухню.

Кира успела соорудить себе большой бутерброд с маслом и сыром и заварить чай из пакетика. Степан сел напротив.

– Объясни мне, зачем ты добивалась... этого?.. – спросил он тем особым начальственным тоном, который не предполагает возражений и отмазок.

– Этого – чего? – все же осмелилась она уточнить, откусив кусок от бутерброда.

– Не валяй дурака. Ты напросилась ко мне в постель. За чем?

Она молчала. Степан подождал – отнес это на счет ее набитого рта. Но и прожевав, она молчала.

– Ну? – грозно произнес он, вдруг с удивительной ясно-

стью ощутив, что причина у нее имелась, причем какая-то особенная. Не бабья дурь и не прибавка к жалованью. Что-то другое!

– Можно, я доем сначала? А то у меня в животе все переворачивается от...

– От?

– От этого разговора...

Подумав, что ее, не приведи бог, снова начнет тошнить, он кивнул:

– Позовешь, когда закончишь.

Он вновь отправился одеваться, прислушиваясь, не зовет ли его Кира. Но она пришла сама.

– Там машина сушильная уже закончила... Я не знаю, как с ней. Дай мне мою одежду, пожалуйста.

Степан, довязывая на ходу галстук, вернулся на кухню, открыл сушилку, молча протянул ей вещи. Платье, светло-коричневое, как слабый растворимый кофе, с бежевыми кантами по проймам и вороту, было сухим, но мятым.

Кира скрылась в ванной и через пару минут появилась оттуда, скорбно оглаживая короткий подол.

– Я не могу так на работу... Утюг у тебя есть?

Степан вдруг заметил, какие длинные у нее ноги. Верхнюю часть не видно, эти ровненькие буратинные палочки-ляжки, – видно только, что ноги длинные... Наверное, некоторым женщинам идет быть одетыми. Одежда оставля-

ет загадку, над которой трудится воображение, – а воображение любит рисовать приятное!

Он кивнул на дверь в комнату, где располагалась гладильная доска и шкафы с постельным бельем и прочим домашним текстилем. Кира не прикрыла за собой дверь до конца, и через несколько секунд он услышал, как зашипел утюг, выпуская пар.

– Я хотела тебе... вам... правду сказать... – донеслось до Степана.

– Ты о чем?

– Ты спросил... Вы... Зачем мне это нужно было... Так вот, я хотела правду сказать... Только не смогла начать...

– Начни сейчас.

Она вышла из бельевой, уже в отглаженном платье, и Степан сел на темно-синий кожаный диван, жестом указав ей на второй точно такой же, напротив.

Кира присела – скромно, на краешек, сдвинув коленки, пай-девочка. Степан попытался вспомнить, как она держалась в офисе его ассоциации, – и не смог. Он никогда не обращал на нее внимания, – даже после того, как она принялась недвусмысленно намекать на свое желание прийти к нему «в гости». Он отшучивался на ходу или небрежно обещал «как-нибудь однажды почему б и нет». До тех пор, пока вчера не ляпнул: «Валяй!»

– Я не знаю, с чего...

– А что, все так сложно?

Она кивнула.

– Давай уже с чего-нибудь. Там разберемся.

– Только вы пообещайте, что дослушаете до конца!

– Дослушаю! – теряя терпение, проговорил Степан.

– Я не должна вам рассказывать, на самом деле, потому что это секрет!

Она вскинула на него глаза, в которых маячил какой-то вопрос, просьба о поддержке, об одобрении, что ли...

Но Степан не стал ей помогать, чувствуя, что иначе они никогда не доберутся до сути.

– Это секрет, потому что меня наняли, чтобы... – голос Киры совсем упал, – чтобы шпионить, в общем... За вами.

– Дракошка? Дранковский?

– Да... Я не должна вам этого рассказывать... Но я потому к вам и напрашивалась... так активно... потому что он велел вас соблазнить и войти в доверие!

«Вот уж чего тебе не удалось, милая», – язвительно подумал Степан.

– И еще потому, что я хотела вам это рассказать, – продолжала Кира. – Получается, что я выполнила его задание и в то же время сделала то, что хотела...

Он не понял ее фразу.

– А чего ты, собсно, хотела? Рассказать, что тебя приставили за мной шпионить?

– Да. – Кира немного покраснела. – И еще я...

Она умолкла, и Степан разозлился. Мало того, что она

облежала его ковер, так еще и шпионкой оказалась! И к тому же каждое слово из нее клещами нужно тянуть!

– Ну?! – грозно спросил он.

– И еще... Я хотела вас предупредить...

– О чем, ё-моё, ты можешь выразаться яснее?! Предупредить о чем? Что тебе велели шпионить, ты уже сказала. Чего еще? У меня тут прослушки стоят, что ли?

– Прослушки?! Я не знаю... А вдруг и вправду стоят?!

Кира, побледнев, вскочила с дивана. И затем произнесла так тихо, что он скорее угадал, чем услышал: «Тогда убьют не только вас, но и меня! За то, что я вас предупредила!!!»

«Убьют»?

...Да уж, секс с Кирой и впрямь оказался с изысками!

Вдохнем поглубже, потом выдохнем. Он не ослышался? Кира сказала, что его *убьют*?!

Спокойно, Степан, спокойно. Девку эту взял на работу Дракошка. Она то ли ему племянница, то ли дочка друзей, – фиг с ним, без разницы. И Дранковский велел ей набиться к Степе, президенту Ассоциации по развитию малого и среднего бизнеса, в постель, чтобы шпионить за ним.

Хорошо, допустим: Дранковский не знает вкусов Степана и решил, что у этой девахи есть шансы заделаться его любовницей, чтобы выудить у него несколько сокровенно-тайных мыслей. Проверить его лояльность по отношению к тем, кто однажды насел на него, как ледокол на льдину, и придавил

всей тяжестью его идеи, замыслы...

В таком случае Дракошка сделал ход понятный, хоть и неумный. А Кира выполнила его распоряжение: набилась в постель к президенту. Но что она там плетет, что хотела ему всю правду-матку выложить? Фигли! Это запланированная часть ее роли, продиктованная Дранковским! Чтобы Степан *знал*, что он под контролем!

– Кира, у тебя хорошая зарплата?

Она удивилась, но ответила кивком.

– То есть, Дранковский... Кто он тебе, дядька?

– Нет... Он дружил с моим папой в юности... Крестил меня. И помог с работой у вас в АСТАПе...

Так сокращенно называлось детище Степана: Ассоциация Смелых, Творческих и Активных Предпринимателей.

Ясно, «бедная родственница». Богатый папочка нашел бы работу дочурке уж получше, чем должность горничной в офисе: чай подать, бутерброды сварганить, цветы полить, фигня всякая.

– Пусть так. Он тебя пригрел, к нам в АСТАП пристроил. Ты ему обязана и выполняешь его волю. До этого момента мне все понятно. Непонятки начинаются с твоего решения меня «предупредить». За мной не только следят, но даже и жизнь моя в опасности, верно?

Кира вновь энергично кивнула, соглашаясь с вышеозначенным.

– А кой тебе черт, следят за мной или нет? Хлопнут меня

или нет? Кто ты *мне*? Дранковскому ты хоть пятая вода на киселе, а мне ваще никто. Так какого хрена я должен тебе верить? Зачем тебе меня предупреждать? А?!

– Совесть... – Кира затравленно посмотрела на него.

– Чего-о-о?!

– Она мне не позволяет... Скрывать правду...

– *Совесть*?!

– Ну да.

Степан помолчал. Он давно не слышал этого слова.

Впрочем, слышал, конечно, – и недавно, и нередко. Его сотоварищ по борьбе за права малого и среднего бизнеса, а также директор основанной Степаном ассоциации Костик Урепкин, – он частенько пользовался данным словечком. Но пользовался им как грамотный пиарщик, в совершенно практических целях, так, что ни у слушателей, ни у вещателя ни на секунду не возникало подозрение, что речь идет о том самом чувстве, когда *по-настоящему стыдно бывает*.

Костику не было стыдно за его пиар-пафос. Поначалу Степан думал, что он говорит то, во что и впрямь верит: тогда Костику было двадцать семь, и в нем предполагался еще не остывший юношеский пыл. Но Костику уже стукнуло тридцать пять, а пафос и возвышенный слог остались на том же месте. И тогда Степан понял окончательно: парень просто прирожденный словоблуд. Талантливый словоблуд, нужный в любом деле, – но за его искренность Степан бы и выпавшего из башки, сдохшего волоса не дал бы.

А тут вот сидит девица и говорит ему такое слово. Интересно, сама придумала? Скорее всего, да, – Дранковскому бы воображения не хватило. Хитрый и хищный, он обходится вообще минимумом слов. Наверняка только генеральную линию наметил, задание Кире дал, а уж она как могла, так и справилась, на двоечку.

– Тэк-с. Начинаем сначала. Дранковский велел тебе ко мне в постель набиться. И при этом он велел тебе за мной шпионить. И ты решила мне об этом *честно* сказать, потому как тебя *совесть* мучает. Я верно изложил?

Кира покивала.

– А вот скажи-ка, меня уже собираются убить или только *могут*?

– Я не знаю точно... Какая разница? И так, и так плохо!

– Если я тебе скажу, что *могу* однажды на тебе жениться, ты сразу побежишь свадебное платье покупать?

Она замотала головой.

– А если я скажу, что *собираюсь* жениться, тогда ты...

– Но я не собираюсь за вас замуж!

– Ты че, идиотка? Я ж для примера только.

– Откуда мне знать? Я на всякий случай предупреждаю.

Степан мысленно выругался.

– Так вот, лапуля, я тебе скажу, как на самом деле было: тебе велели мне этот канкан с «совестью» устроить!

– Я вас не понимаю...

Вид у нее был несчастный, темные глаза стали влажными

под косым чубом, но Степан ее ничуть не жалел.

– Ах, не понимаешь! Ладно, объясняю: Дранковский велел тебе не только ко мне в койку влезть, но и сделать вид, что ты мне такой большой секрет рассказываешь: мол, и шпионят за мной, и даже хлопнуть могут! И все затем, чтобы меня припугнуть, чтобы я знал, что под контролем! Времена настали беспокойные, власти борьбу с коррупцией и рейдерством объявили, и ему охота меня в поле зрения держать, чтобы я не соскочил. Вот он тебя к этому делу и приспособил!

– Нет! – отчаянно всхлипнула она. – Все не так было! Дранковский мне ничего такого не поручал вам рассказывать! Он только хотел, чтобы я стала вашей «подружкой» и докладывала ему о ваших настроениях. А я сама – сама! – решила сказать вам правду! Только не знала, как подступиться... Я же была вынуждена вести себя как женщина, которая соблазняет мужчину!..

...«Соблазняет», она – его? Да он уступил ей чуть ли не из жалости! Целый месяц приставала к нему с намеками... Разве так мужчину соблазняют?!

– ...а когда мы остались наедине, я не смогла сразу сказать, потому что вы меня тут же уложили в постель...

«Я?! Уложил?!» Степан был оскорблен до глубины души.

– ...а в постели как-то не очень... удобно... о таких вещах говорить... А потом я напилась... Поэтому сказала только сейчас.

– Кстати, какого черта ты напилась?

– С горя.

Степан еще раз посмотрел на нее: длинная, худая, вся такая нескладная, как ее чуб. И дура к тому же.

Он не стал спрашивать, что за горе у нее приключилось, опасаясь очередной порции глупостей.

– Вернемся к Дранковскому. Допустим, ты сама решила мне рассказать правду, на что тебя сподвигнула... хм... совесть. А что же ты слышала? Конкретнее можно? Знаешь, лапуля, вероятность того, что меня могут хлопнуть, витает надо мной уже лет двадцать – с тех пор, как я занимаюсь бизнесом. Так что этим ты меня не удивила.

– Дядя Витя... в смысле, Виктор Stanisлавович... говорил по телефону с кем-то. И я слышала, как он сказал примерно такие слова: «...Кирка будет мне обо всем сообщать. А если что не так, то придется пойти на крайние меры».

Степан задумался. В ее словах и впрямь могла оказаться правда...

В разгар перестройки Степан ударился в бизнес, как едва ли не каждый второй в те годы. Знаний не было, опыта тем более, зато энергия была через край. Первые наезды рэкетиров, первые взятки чиновникам – он относился к таким делам философски. Есть вещи, с которыми не считаться невозможно, нравятся тебе они или нет. Это как правила дорожного движения: не хочешь стоять на красный и ехать на зе-

ленный? Лучше не садись за руль, причем никогда. А раз сел, то в твоих же интересах их соблюдать. Жизнь дороже.

Но когда он создал Ассоциацию предпринимателей малого и среднего бизнеса, АСТАП, – вот тут и начались игры нешуточные. Он создавал ее не только чтобы налоги скостить, – он и в самом деле хотел, болван, объединить молодых и инициативных ребят, чтобы вместе противостоять нахлебникам... А вышло так, что он лишь еще больше вляпался. Тут же повылезло сыто-гладкое чиновничье мурло. Это был совсем новый для него тип обложения оброком, куда более изощренный, чем рэкет девяностых! Одним хотелось постик у Степана в ассоциации (задарма зарплату получать!); другим хотелось ма-а-аленькую фирмочку, фирмаську такую крохотную, под крылом ассоциации открыть. Отказать им нельзя было никак, – он же не самоубийца, чтобы на красный ехать!

С другой стороны, все равно кто-нибудь бы насел, – охотников за чужим добром много! А эти хотя бы бизнес его не трогали и даже служили в некотором роде гарантией, что другие не тронут...

И сколько за эти годы левых денег прокатилось через счета их фирмасек, сколько осело в офшорах! Вроде тапки для безногих инвалидов продавали, а выручали миллионы, чудеса!

Степан чудесам этим знал цену. Хорошо знал, потому и молчал. Делал вид, что не понимает, и старался не интере-

соваться, не вникать. Любопытство в таких вещах и в самом деле могло оказаться *смертельно опасным*...

Он так и не решил, верить ли Кире. Принесла ли она ему и впрямь в подоле *совести* это признание – или все же пляшет под дудку хитрющего Дранковского? Но, за неимением внятного ответа на вопрос, он решил, что будет лучше, практичнее, если он ей поверит. По крайней мере, сделает вид. Это давало ему выигрыш во времени, а время – возможность разобраться в ситуации.

– Ладно, Кира. Я оценил твой жест. Если я правильно тебя понял, то мы оба под колпаком. Так?

– Так, – горестно согласилась она, отчего-то натягивая короткое платье на коленки.

– В таком случае я тебе предлагаю вот что... Давай делать вид, что ты преуспела, Мата Хари, и меня соблазнила. И мы стали любовниками. Таким образом, ты сможешь заверить Дранковского, что выполнила его задание... Ну и я, конечно, буду тебе признателен за информацию с той стороны.

– Хорошо, насчет вида я согласна, но только вид! Если честно, мне совсем не понравилось с вами в постели!

Это ей не понравилось??? Все наоборот, это ЕМУ не понравилось!

Узвленный, он не удержался, глупо спросил:

– Это отчего же?

– У вас никакой фантазии нет. Вы лежите как бревно и

ждете, чтобы женщина вас обслуживала. А я не гейша, чтобы вас ублажать.

Это он как бревно?! Это же ОНА!!!

– И потом, если честно... У вас тело слишком жирное. Вы за собой не следите, лишний вес, вон на боках складки, и живот выпирает, и задницу себе наели... Неэстетично.

Это у него тело неэстетичное? Это же у НЕЕ! Все наоборот!!!

Степан был так оскорблен, что даже не нашелся, что ответить с ходу. Взяв себя в руки, он через некоторое время проговорил небрежно:

– Все в мире относительно. По мне, так твоя худоба неэстетична, и твои переразвитые мускулы, и... Если уж про задницу, так у тебя ее вообще нет!

Кира вытаращила на него глаза от удивления, Степан был доволен. Небось никто ей до сих пор правды не говорил!

Но она быстро нашлась:

– Вот и отлично! Нам не придется друг на друга обижаться, раз мы друг другу не нравимся. Будем вместе *делать вид*.

* * *

...Почему мы говорим «мое тело»? Оно *не мое*. Оно мне не подчиняется. Оно, вопреки моей воле, болеет, стареет. Оно, как тюремный костюм, выдано нам кем-то на срок заключения, заключения своего «Я» в нем. Потому что, когда

этот костюм окончательно прохудится, наш срок аренды закончится.

Тот, кто шил эти тюремные костюмы, вряд ли создавал их по вдохновению. У него изредка получались шедевры, иногда просто добротные вещи, но дальше дизайнер, видать, отдыхал: лепил наскоро, тяп-ляп, руки-ноги приставил абы лишь бы... Халтурщик! Сколько людей маются из-за его недобросовестности!

Но тем более обидно, когда сей неведомый дизайнер выдал тебе красивую внешность, приучил тебя к ней, а потом принялся отнимать собственный дар! Да не так, как у Золушки, с боем часов – бальное платье в замызганную одежду замарашки. Нет, он действует, как извращенный садист: портит костюм потихоньку, по частям, по крохам, но методично. Там лоскут оторвал, там шовчик распустил... И у тебя нет никакой возможности вырваться из его кровожадных лап, мучающих тебя... Ни-ка-кой!

Александра смотрела на себя в зеркало. Вот они, первые морщинки! Незаметные пока постороннему взгляду, но в зеркале с увеличением весьма очевидные... Все мы знаем, что однажды начнем стареть, однако живем так, будто нас это никогда не коснется. Словно именно нам выпала вечная молодость и бессмертие в придачу. Но наступит день, когда зеркало напомнит тебе: нет бессмертия, и вечной молодости нет, и теперь подошел твой срок – держи в доказательство свою первую морщинку!

Да к тому же овал лица потерял изящную легкость – сказались лишние семь кило, которые она прихватила после родов. Она их не просила! Это дизайнер-садист так решил! Правда, она с ним пыталась сражаться, – три килограмма ей удалось сбросить. Но оставались еще четыре. Они залегли в щеках, на талии, в выступившем животике. Муж утверждает, что так она еще соблазнительнее... Он милый, конечно. Но ее собственный критический взгляд – взгляд женщины, привыкшей быть едва ли не эталоном изящества, – сурово оценивал изменившуюся внешность.

«Нет, нет и нет! – Александра резко отвернула от себя увеличительное зеркало. – Это не возраст – какой, к черту, возраст, когда еще и сорока нет? Я просто устала. Мне нужно отдохнуть. Привести себя в форму. Отоспаться. Заняться спортом. И я снова стану свежей и красивой. Обязательно!»

Александра старалась быть хорошей матерью. Поэтому она не бросала своих двойняшек на нянь и бебиситтеров. Они существовали, конечно, и помогали, – но именно помогали. А большую часть времени проводила с детьми Александра. И недосыпала. И сильно уставала.

Александра старалась быть хорошей женой. Которая заботится о своем муже. Хотя Алеша заботы в бытовом смысле не требовал, – он довольствовался любой едой, будь то изыски домашней кулинарии или полуфабрикаты. Он, когда находил хоть десяток свободных минут, старался побыть с

детьми и помочь по хозяйству. Только работа у него такая, что... Какой там десяток минут! Иногда Александра его сутками не видела!

Посему роль «хорошей жены» сводилась отнюдь не к стирке-готовке. Она сводилась *к пониманию*: он очень занят, и ей нужно управляться без него.

Более того, важность *его* работы (ну как же, частный сыщик, – случалось, что от него зависит жизнь и смерть, – какие тут могут быть возражения!) невольно, не нарочно, но все же отодвигала на задний план важность *ее* работы. Подумаешь, ну не напишет она лишнюю статью. Никто не умрет.

Не умрет? Ну да, не умрет... Только у карьеры, особенно журналистской, свои законы. Выпадешь из рядов – твое место быстро оккупируют. С визгом от счастья, что ты была. Что наконец-то им перестанут ставить тебя в пример и попрекать профессиональным несовершенством, кивая на совершенное мастерство Александры Касьяновой.

Но ей отнюдь не хотелось доставлять всем такую радость. Она любила свое дело, она не мыслила себя без журналистской работы, без своих статей, где в равной мере дорожила мыслью и слогом. Да и что она умела делать, кроме как писать? Ничего.

Потому Александра не могла себе позволить передышку. Так к ее наилучшим намерениям быть хорошей матерью и хорошей женой прибавлялось еще одно: оставаться хорошей журналисткой.

И вот результат: круги под глазами, несколько морщинок и четыре килограмма, с которыми сладу нет.

Но надо сладить, надо! Тюремный костюмчик принадлежит не нам, да, но он находится в нашем временном распоряжении, и, значит, в наших силах его подлатать!

Алексей Кисанов, частный детектив, вернувшись домой, застал любимую жену в мрачном расположении духа. Поскольку Александра не принадлежала к той породе женщин, которые выдумывают свои несчастья, спекулируя ими, то он не на шутку забеспокоился.

Сначала она упорствовала и глаза отводила, уверяя, что все в порядке. Но он настоял, и она раскололась. Рассказала без прикрас и про морщинки, и про килограммы; и об усталости, и о желании быть хорошей матерью-женой-журналисткой... И еще вот эту мысль, про наше тело, тюремный костюм, который непонятно кто шьет и кто выдает его нам напрокат... И еще про годы, в которые мы будто не верим, но они приходят...

...Что замечательно с Алешей, – думала Александра, глядя на сосредоточенное лицо мужа, – он умел слушать и понимать слова. Да-да, *слова*, – потому как существует немало мужчин, которые их не понимают. Тарелку в стену – да. Истерику – еще лучше. А слова, по какой-то необъяснимой причине, нет. Можно их повторять месяцами – так и не услышат. Зато посудку разбить – и сразу все ясно, без перевод-

чика!

Но для Александры язык битых тарелок был недостижимо иностранным – она предпочитала общаться посредством мыслей, облеченных в слова. К счастью, голова Алеши устроена рационально, логично, и способность выстроить мысли в последовательность (как в голове, так и в речи) представлялась ему самым значительным достижением с тех пор, как homo стал sapiens.

– Саша, все очень просто! – выслушав, заявил Алексей. – Это уже не усталость, а пе-ре-у-том-ле-ни-е! Тебе нужен отпуск. Причем срочно. У меня сейчас никаких серьезных дел нет – кризис, народ деньги лишний раз не потратит, клиентов поубавилось. Так что пользуемся моментом! Поезжай на море на пару недель, развейся! Массаж, водные процедуры, тренажерный зал – что там еще есть? В общем, по полной программе. Отдохнешь, отоспишься – никаких морщинок и в помине не останется, я тебе гарантирую! И свои несчастные четыре кило сбросишь. Пощипать тебя будет не за что, но я, как истинный джентльмен, готов пожертвовать своими интересами ради твоих, – усмехнулся он под конец тирады и, задрав ее кофточку, вкусно поцеловал в живот.

Она возражала, беспокоилась: а как же дети? Но Алеша разбивал все ее страхи своей железобетонной уверенностью. Он справится. И еще у них есть приходящая няня. И беби-ситтер, к чьим услугам они иногда прибегали для вечерних выходов. Если что, можно и бабушку с дедушкой задейство-

вать, но вряд ли придется: работы почти нет, кризис, Сашка, кризис! Дуй на курорт со спокойной душой!

Со спокойной или не очень, но она согласилась. Распечатав на принтере длиннющие инструкции мужу и няне на все случаи жизни, она через неделю улетела на отдых. Впрочем, не совсем на отдых, так как летела она с компьютером, в намерении написать тройку статей, которые задолжала. Но работать в теньке, за столиком кафе недалеко от пляжа, слушая шум волн и вдыхая запахи моря... О боже, это же счастье!

К тому же, если у Алеши сейчас не будет заработков, то должен ведь кто-то семью содержать, верно?

Эта мысль окончательно примирила ее с идеей отпуска.

* * *

«*Придется пойти на крайние меры*». Как бы скептически ни относился Степан к словам Киры, а все же они застряли в его мозгу.

Он никогда не ездил на «красный свет», всегда вел себя осторожно по отношению к «фирмаськам», да! Лишнего, ненужного и опасного любопытства не проявлял, да! И толком ничего об их деятельности не знает – и знать не хочет, да! Отчего им, «Дракошке и компашке», как прозвал их Степан, нет никакого резона бояться ни его неосторожного слова, ни тем более прямых разоблачений, да! Степан ведь

ежели заварит кашу, то непременно окажется сам замешан в дерьме: бить себя в грудь, что не знал, – смешно. Никто не поверит, да...

Так что Дранковский и иже с ним могли жить спокойно, в полной уверенности, что Степа на рожон не полезет.

Но тут могло быть другое. Если они почуяли, что зарвались, что не сегодня завтра их накроют, – то им срочно нужен козел отпущения, стрелочник. А в этой роли обычно с наибольшим успехом выступает мертвец, м-да...

Причем на их месте он не стал бы делать заказное – насторожит излишне. Он бы сделал несчастный случай! А они – они тоже не дураки, отнюдь нет.

...Неужто теперь жить с постоянной оглядкой? Каждый раз, когда ставишь ногу на проезжую часть, ожидать наезда? Выглядывая в окно, опасаться, что из него выпадешь? Купаясь в водоеме, бояться, что утонешь???

Следовало переговорить с Костиком, директором его ассоциации. Словоблудом Костик был только в речах, а так, по жизни, нормальный мужик, чего там. И вполне здравомыслящий.

Если уж совсем честно-честно, то Степан надеялся на возражения Костика, типа «ерунду говоришь!», подкрепленные разумными аргументами.

Но вышло совсем иначе.

В ответ на слова Степана в глазах Костика заметался страх

– неподдельный, жутковатый.

– Степ, слышь, у меня такие дела в последнее время... Я не говорил тебе – боялся, что за сумасшедшего меня примешь! – но теперь, после твоих слов... Слышь, тут вот какая история... Мне в последний месяц все попадается девица одна. Довольно красивая, блондинка, и вся в черном, с ног до головы, только помада красная. Я иду себе по улице, а она навстречу. И смотрит на меня. Улыбается.

– И чего?

– Она мне всегда навстречу идет, понимаешь?

– Не-а. По какой улице?

– Да в том-то и фокус, что по разным! Я же не люблю на машине, ты знаешь – пробки хуже каторги! Я чаще на метро, а значит – и пехом между станцией и местом назначения... И она мне часто попадается. И всегда – навстречу! Причем в разных местах! Степ, ты согласен – такое же не может быть случайностью? Она за мной следит!

– Надо думать...

– Вот-вот! Идет навстречу и лыбится при этом! Несколько дней назад я не выдержал, взял и спросил: «Чего вам от меня надо, девушка?»

Костик вдруг умолк. Степан подождал и спросил:

– И чего?

– У меня до сих пор мурашки по коже... Я не трус, но тут... Пробрало, Степ. Знаешь, чего она мне ответила? «Как же мне с вами расстаться? Ведь я – ваша Смерть...» Вот что

она мне сказала, Степ... С улыбочкой такой...

И Степан увидел, как встали дыбом волоски на руке Кости.

– А ты за ней сам последить не пытался?

– За НЕЙ? – переспросил Костик с таким ужасом, что волоски встали дыбом на Степановых руках.

...Нет, нет уж – ни в какую мистику Степан Катаев не верил! Костик был вполне симпатичным мужиком, при этом любил хороший прикид, отчего за версту выглядел преуспевающим мэном. А телок, которые готовы на любую экстравагантность, лишь бы отловить преуспевающего мэна, он перевидал «по самое не могу».

– Кость, ну ты чего, совсем, что ли, с дуба рухнул? Телка с тобой познакомиться хочет, старается оригинальничать, а ты и повелся, как лох последний? К тому же ты кольцо обручальное не носишь... Почему, кстати?

– Да мало оно мне стало... Надо б его растянуть, но руки не доходят. Или ноги.

– Вот-вот! Кольца нет – вроде как свободный. То-то девки липнут! У меня тоже таких вагон и маленькая тележка, вечно прилепиться норовят. Не принимай всерьез!

– А тебе б сказали, что твоя Смерть к тебе прилепилась, ты бы как?!

– Я бы? Я бы на три буквы ее послал, Костик! Давай лучше думать, что там Дранковский крутит против нас. Ведь пой-

ми, если он против меня что-то затевает – значит, и против тебя. Мы ж с тобой в одной упряжке!

– Степ, погоди... Может, эту девку ко мне Дранковский и подослал?

– Хм... Это мысль! Ко мне Кирку, к тебе девицу на улице... Чтоб мы с тобой убоялись... Ну, точно! Костик, я все понял! Эти бабы – будто записочки такие нам: осторожнее, парни! В общем, это не угроза, а предупреждение! Ничего серьезного. «Дракошка и компашка» и без того знают, что мы с тобой люди разумные!

– Твоими бы устами мед пить... – упадническим тоном проговорил Костик.

* * *

Александра любила Красное море и вообще любила всякое море, но больше всех любила Черное. Только у нее отняли Коктебель, Ялту, Феодосию, Пицунду – у нее всё отняли, вместе с детством, вместе с куском ее души.

И она стала ездить на Красное.

Ей нравилось прилетать ночью, легко завтракать в пустынном ресторане, когда весь отель еще безмятежно спит, а потом пойти медленно к морю, издалека улавливая его предутренний блеск, прислушиваясь к его дыханию, вытягивая ноздрами солоновато-горький запах... Потом она бродила по едва различимой, прохладной кромке воды в ожида-

нии ритуала рождения солнца. И вот – в этих широтах всегда неожиданно и стремительно – солнце вдруг вырывалось из лона вод. Новорожденное, сначала мокрое и красное, оно быстро обсыхало в просторной простыне неба, все светлея, становясь чистым и звонким, как детский смех.

Приняв роды солнца, Александра уходила спать, умиротворенная, и спала долго, долго, пока спалось. И никто не тревожил ее сна.

Проснувшись далеко за полдень, она деловито и в то же время расслабленно входила в ритм курортной жизни: осваивала пляж, спортзал, массаж. И, конечно же, наилучший столик из всех многочисленных кафе отеля, за которым особенно удобно и приятно работать.

Среди статей, которые она задолжала, первой и срочной была одна, под риторическим вопросом «Есть ли у нас малый бизнес?».

Смысл ее заключался в том, что в любой бизнес, как метастазы, проникают другие структуры – власти и криминала, – и малый бизнес является, в реальности, всего лишь малой структурой о-о-очень большого теневого бизнеса. Любое существующее ныне заведение, будь то парикмахерская, ресторан или завод, уже фактом своего существования доказывало свою коррумпированность, потому что иные заведения не выживали. А иногда и их основатели.

Все это знали, от президента до пенсионера, читающего

газеты, но никто не мог указать на зло пальцем: оно было безлико оттого, что имело слишком много лиц. Тем не менее все дружно верили, что со злом этим кто-то борется. И что его даже скоро победят.

Александра прослушала интервью, записанное на диктофон. Предприниматель Степан Катаев начинал свою карьеру с продажи тары. Деревянной, грубо сколоченной, из которой торчали гвозди и занозы, тем не менее верно прослужившей складам, базам и магазинам всю советскую эпоху и пребывавшей отчего-то всегда в дефиците. Катаев собирал разбитые ящики, сколачивал их заново и опять запускал в оборот.

Позже он арендовал цех и стал делать пластмассовые ящики, которые не гнили на складских территориях под дождем, не оставляли занозы в руках, не разбивались от нечаянного удара, не рассыхались под солнцем, как деревянные. Быстро реагируя на запросы рынка, он затем освоил картонные упаковки для разных товаров. Еще годика четыре спустя, серьезно повысив качество, взялся за упаковки для пищевых продуктов, — дела шли тем более хорошо, что он в ту пору оказался единственным на отечественном рынке, кто соответствовал европейским санитарным стандартам и нормам, но при этом его продукция стоила в два раза дешевле западной...

«Честный бизнес, честные деньги, — пометила Александра. — Обязательно донести до читателя, который до сих пор любого состоятельного человека считает вором».

Вдохновленный собственным примером, Степан часто отзывался на просьбы о помощи начинающих бизнесменов, а потом решил создать ассоциацию малого и среднего бизнеса. Под забавным названием АСТАП (почти Бендер!) Ассоциация Смелых, Творческих и Активных Предпринимателей тоже процветала. Казалось, за что ни возьмется этот человек, все в его руках зеленеет и плодоносит.

Однако Александра пыталась вытащить из него совсем другую информацию: кто на него наезжал да какой ценой он выжил. Степан уходил от подобных вопросов. Понятно: хочет жить и дальше. Отчего не станет закладывать тех, кто его рэкетирует, – но позволял существовать, так как Степан платил; тех, кто обложил его взятками и откатами, – но поскольку получал, то позволял бизнесу развиваться.

Однако общие знания и понимание вещей – ничто в журналистике без конкретных фактов. И где их взять, если все молчат? Кто под страхом потери своего дела, а кто и под страхом смерти...

Собственно, Александра сначала хотела писать о другом. Ее интересовала тема, отчего у нас практически нет своего производства. Отчего все ударились в торговлю. Перепродавать, понятно, легкое дело – куда легче и прибыльней, чем производить. Но для процветания государства необходимо производство! А значит, нужны программы поддержки для предпринимателей, нужно вникать в их проблемы, их беды, их сложности...

Вот о чем собиралась писать Александра. Принялась изучать материал и вскоре поняла, что на заре российского капитализма аппетиты у разного рода «крыш» были непомерно огромные, реальной поддержки со стороны государства предпринимателям не существовало – ни правовой, ни финансовой, – а выплачивать доли от еще не случившихся доходов невозможно. Отчего было им проще заниматься коммерцией, а не трудоемким процессом производства. В котором меж тем нуждалась и нуждается страна!

В поисках ответа на столь животрепещущий вопрос она некоторое время назад набрела на ассоциацию Степана Катаева. По ее сведениям, он являлся тем самым редким *производственником*: у него уже имелся маленький заводик и дела шли отлично. Как же ему удалось то, что не удавалось другим? Неужто его не коснулись общие беды?

– Рэкет, конечно, как же без него, – улыбнулся он на вопрос журналистки. Александре понравилась его улыбка: в ней не было хорошо ей знакомого выражения «один пишем, три в уме». – Но я сам был хулиганом дворовым, умею с такими ребятами разговаривать.

– И как же с ними надо?..

– Уважительно. Они же хулиганье бывшее, ничему не научились, ничего не добились, бандитами стали. И знают ведь об этом! Когда они к вам приходят, им заранее обидно, что вы что-то умеете, а они нет. Поэтому они страшно не любят, когда перед ними выделяются.

– Хм...

– Ну, вспомните, в школе, был у вас какой-нибудь хулиган в классе? А училки трындели, трындели, что плохо так, и этак плохо, и весь он плохой. А толку? Ни хрена. А девчонка какая-нить ясноглазая вроде вас, если она его просила при ней не ругаться, то он разве ж ее не слушался?

– Слушался! – рассмеялась Александра.

– А все потому, что она его не презирала, она на него глазки, реснички, голосок ангельский – мощное оружие! В детстве, конечно, пока не заматерели. Ресничками их теперь не возьмешь. Но если не выделяться, поговорить как человек с человеком, то они тоже нормальные ребята оказываются. Платить все равно придется, разумеется, но по-божески... Не в плане суммы, тут они стояли твердо, но могли подождать, к примеру, когда с ними душевно... И потом, они ведь и вправду мой бизнес охраняли! От других бандитов, – он снова улыбнулся, и Александре снова понравилась его улыбка. – Хотя это еще вопрос везения. Некоторым полные отморозки попадались... С другой стороны, отморозков и в бизнесе было немало, особенно в те годы. Но у меня все гладко прошло, мирно, тьфу-тьфу.

– А сейчас?

Тут Степан стал уходить от разговора, рассуждать о процессах в обществе...

– С бандитами гладко прошло, а как с чиновниками? – перебила его Александра.

Степан умолк и пристально посмотрел на нее. Да как посмотрел! В его глазах читалось многое – и это *многое* было нелестным для журналистки. Проще говоря, взгляд его вполне недвусмысленно вопрошал: *не, ну ты чего, совсем тупая, такие вопросы задаешь?*

Александра тоже посмотрела на Катаева повнимательнее. До этого момента он ей казался человеком довольно простым – этаким живчиком, в котором бушует деловая энергия. При этом конформистски-покладистым, без всякой рефлексии. Но сейчас она вдруг увидела в его глазах лучик, своеобразный такой лучик, ироничный и умный... Нет, не так уж он прост, Степан Катаев!

– И все же! – настояла она, чувствуя себя меж тем полной идиоткой в его глазах. Но ей нужен был материал для статьи, и объяснить это Степану Катаеву она не взялась бы. Слишком разные у них интересы: у него – умолчать, тогда как у нее – максимально прояснить.

Он легонько усмехнулся, кивнул и пустился отвечать. По его словам выходило, что есть, конечно, чиновники, которые требуют взятки, но их мало, и они уже почти в прошлом... Тра-ля-ля.

Александра задала еще несколько вопросов о деятельности ассоциации Катаева, обратив внимание на целый ряд фирм, пригревшихся под ее крылом. Они занимались чем-то очень расплывчатым и Степану не принадлежали, – ассоциация АСТАП их взяла под свое крыло, чтобы якобы помочь

им встать на ноги...

Александра попросила о возможности ознакомления с их деятельностью более подробно, встретиться с руководителями, взять у них интервью.

– Не стоит, Александра Кирилловна, – произнес Степан и твердо посмотрел ей в глаза.

И она поняла все, что он ей не сказал.

* * *

Как ни странно, «видимость» отношений с Кирой быстро и легко наладилась. Исключив постельный аспект, они оба только выиграли: вопрос «кто из них бревно» отсох сам собой, а с ним отсохло и напряжение.

Степан не каждый день бывал в своей ассоциации – бизнес требовал его присутствия на основном рабочем месте, а тем более в кризисные времена, когда нужно оперативно решать вопросы падающей рентабельности производства. В ассоциацию – «Аську» по-простому – он обычно являлся под конец рабочего дня. Но так же поступали и другие: Дранковский, Белых, Никифоров, Габуня, Чириков – все те, кого Степан называл «Дракошка и компашка». Все они были знакомы между собой давно и насели на ассоциацию Степана не случайно, не разрозненно. Он был уверен, что раньше они так же крепко оседлали еще несколько подобных организаций – ассоциаций и фондов – и повсюду открыли, насиль-

но вклинившись к ним под крыло, «фирмаськи», на первый взгляд малосущественные и безобидные, но на деле служившие насосом для перекачки левых денег в райские налоговые кущи.

Все эти пятеро хорошо сидели в районных, городских и федеральных властных структурах, от их подписи и словечка многое зависело, и спорить с ними не рекомендовалось – ни тогда, когда они въехали «под крыло» его ассоциации, ни тогда, когда принялись левачить под этим самым крылом.

Все это Степан слишком хорошо понимал, чтобы им перечить. Он даже никогда не рассматривал всерьез мысль о том, чтобы собрать на них компромат. Компромат-то собрать можно, но кому его нести? В те же властные структуры, где сидят двойники «Дракошки и компашки»? Смешно.

Степан Катаев был фаталистом. И они это прекрасно знали. Отчего подвоха от него не ждали, никак не могли ждать!

Другое дело, что... Ну да, если им понадобится стрелочник! В этом цирковом представлении под названием «борьба с коррупцией» (с которой, по определению, должны бороться глубоко и безнадежно коррумпированные люди) время от времени возникает надобность в показательных процессах. Отсюда требуется и очередная повинная башка.

Вот чего как раз Степан не хотел допустить: чтобы ею оказалась его личная башка!

В итоге он к Кире испытывал нечто похожее на благодарность и простил ей даже облеваный ковер – только водки

больше пить не позволял.

Теперь первым делом, появившись в «Аське», Степан шел на обширную общую кухню, которой заведовала она. Не сговариваясь, они научились вести себя в полном соответствии с задачей. То есть выказывали друг другу знаки внимания, но словно невзначай, словно стараясь их скрыть от посторонних. Степан «украдкой» тискал ее, Кира «украдкой» его целовала.

Игра удалась: посторонние, конечно же, быстро все приметили, и уже в каждом коридоре и кабинете шептались, что Кира добилась своего и «през» (то есть президент) положил на нее глаз! Дракошка должен быть доволен: теперь он уверен, что будет в курсе всех его мыслей, всех его намерений, контролировать каждый шаг!

После работы они с Кирой уходили вместе. Степан даже не счел нужным вникать, следит за ними кто или нет. Он всегда у Дракошки на крючке, а каждый ли день или час, это уже ничего не меняет.

Сам он пока осторожно присматривался, принимухивался, пытаясь разглядеть тучу раньше, чем гром грянет, – но пока ее не видел. Или дальности зрения ему не хватало? «Дракошка и компашка» засуетятся, когда им лично кто-то на хвост наступит, вот тогда они и начнут пристраивать Степину голову на плаху.

Главным в этом деле было не пропустить решающий момент наступания им на хвост. Беда, однако, в том, что про-

исходило это в других местах – в тех, где все эти высокопоставленные чиновники сидели. Именно там против них играли другие силы в борьбе за доходное место, и у каждой из этих сил имелся свой покровитель, еще более высокопоставленный.

Обсудив ситуацию с Костиком, они решили отлавливать течения и движения в городских и федеральных властных структурах, чтобы быть в курсе, в какую сторону складывается перевес. Для чего наняли втихаря опытного специалиста по конкурентной разведке, умевшего добывать нужную информацию, и вменили ему в задачу все эти течения-движения отслеживать...

Кира неплохо готовила, как выяснилось. Особенно хорошо у нее получалась рыба под сливочно-лимонным соусом.

– Ты где это наострилась? – добродушно спросил он.

– В книжке вычитала, – пожалала худыми крепкими плечами Кира.

Впрочем, ее плечи, как и остальные части тела, больше не напрягали Степана. Буратино и есть буратино: то ли мальчик, то ли девочка, – в общем, что-то такое не половое, не сексуальное. С *этим* можно даже дружить.

Для разнообразия – и для соответствия их легенде – он иногда приглашал ее в рестораны. И даже пару платьишек ей под это дело купил. Надо заметить, что в платьишках она смотрелась куда приличнее. И вообще эти хитрые одежды

полны обмана: вон как попу тощую облегает юбочка! Можно подумать, что там и впрямь есть что облегать... Про сиськи и слов нет: вырез такой зазывный, так бы туда и упал! Ежели б он своими глазами не видел, какие у нее на самом деле малюсенькие сиськи и какая у нее худосочная задница, ну точно бы повелся!

Жизнь состоит из видимостей, философски заключил Степан. «Дракошка и компашка» создают одну видимость, бабы – другую, а все одно. Все врут. Все симулируют. Симу... Какое-то слово было умное... Костик, краснобай, ему объяснял... Симу... Нет, не «симулянты», а как-то иначе...

А, «симулякры»! Видимость, подмена, обман. Вот-вот, все они и есть симулякры! И Кирка – симулякр, и Дранковский с компанией – симулякры!

Хотя нет, насчет Кирки он чуток перебрал. Она-то ему правду рассказала! Совесть ей, типа, велела... А то, что ее задница под платьем выглядит аппетитнее, чем в натуре, – так не ее вина, надо думать. Она ж не нарочно, верно?

И рыбу она под сливочно-лимонным соусом готовит вкусно...

Вскоре у Кирки обнаружилось еще одно несомненное достоинство, которое стоило даже больше рыбы под сливочно-лимонным соусом. Вернее, оно не само обнаружилось, а Степан в ней его воспитал: он научил ее смотреть футбол по телевизору!

Поначалу она не хотела. Поскольку они «делали вид» и ей нужно было торчать у него дома по вечерам, то она заскучала, когда начался матч. Попросилась за его компьютер, – как оказалось, она любит флэш-игры, где нужно чего-нибудь разгадывать.

– Валяй, – махнул он рукой, не отрывая взгляда от экрана. – Комп в кабинете.

Когда он заорал «го-о-ол!!!», привычно вслушиваясь в аналогичные вопли, доносившиеся из раскрытых окон дома, составлявшие ему незримую компанию, – в квартире вдруг раздалось: «Я вас поздравляю», вежливым девичьим голоском.

Он обалдел. Он напрочь забыл о Кире!

– Иди сюда, – крикнул он. – Иди посмотри, как Макаров¹ провел мяч! Скорей, тут повтор, замедленный!!!

– Меня не интересует футбол, – напомнила ему Кира.

И вдруг Степана будто стукнуло: а впрямь ли играет на компьютере? Или придумала эту байку насчет игр, чтобы залезть в его деловые файлы? Чтобы за ним шпионить?!

Он тихо поднялся – тапки валялись возле дивана, но он их надевать не стал. В одних носках он крадучись подобрался к кабинету...

Ему показалось, что она все же услышала его шаги и быст-

¹ Имя вымышленное. Если футболист по фамилии Макаров реально существует, автор категорически заявляет, что к нему данная сцена не имеет ни малейшего отношения.

рым движением завесила экран игрой. Но внизу было видно, что она открыла еще какие-то файлы, – с порога он разглядеть их названия не мог.

Степан решительно направился к Кире, вырвал у нее мышку и пощелкал...

Нет, это были окошки Интернета.

– Не смейте смотреть мою почту! – прошипела Кира.

Она ему упорно «выкала» с той самой ночи, когда они оказались в постели и сначала перешли на «ты», а потом она демонстративно вернулась к «вы».

– Да нужна мне твоя почта! – фыркнул он, глядя на окошко, на котором обнаружился курс английского.

– Учишь, что ли? – немного удивился он.

– А вам чего?

– Ничего. Хорошее дело... Пойдем, я тебе объясню, что такое футбол, – с повышенной задушевностью предложил он.

Компания за окном – это хорошо, но рядом на диване было б еще лучше...

– Да я знаю!

– Ничего ты не знаешь! Ты, как все бабы, думаешь, что там просто мяч гоняют тупые мужики, – сила есть, ума не надо, так? А на самом деле это очень умная игра, очень!

– Да ну? – недоверчиво произнесла она.

– Точно говорю. Пойдем.

Кира проследовала за Степаном и села рядом с ним на

синий диван.

– Эта игра – почти как шахматы! Где каждый игрок на поле как фигура на доске, но каждый при этом и шахматист. Футбол – игра комбинаций, понимаешь? Тут надо смотреть на все поле сразу целиком, не только на мяч. Вот, вот, гляди, гляди, номер десять, – видишь, он посмотрел, кому передачу сделать? И в одно мгновение просчитал! Глянь, глянь... Опа! Почему он передал мяч одиннадцатому? Потому что у него выгодное положение по отношению к девятке, а девятка, смотри, он к воротам... Го-о-ол! – снова заорал Степан, привычно вслушиваясь в солидарные отголоски за окном.

– Хм, – сказала Кира и устроилась на диване поудобнее. – А мы бодем, значит, за тех, кто с правой стороны?

...Через полчаса она пила пиво вместе со Степаном, щелкала солеными фисташками и кричала «го-о-ол!».

За первые четыре дня работы КР – так они с Костилом сокращенно прозвали специалиста по Конкурентной Разведке – выловил уйму интересной информации. Теперь они знали, с каким политико-финансовым крылом властей связаны «Дракошка и компашка», в каких общих делах они участвовали, в каком бизнесе у них были доли. И много еще чего полезного. Но, по правде говоря, все это Степана не интересовало. Ему бы попроще и покороче: есть угроза лично для него и его ассоциации? И для Костила?

Заодно они попросили КР подкараулить странную деви-

цу, которая так напугала директора, и разузнать о ней побольше.

На эти вопросы КР пока ответить не мог: мало времени прошло. Обещал в ближайшие дни. Что же до Костиковой «Смерти», то она пропала. Как ветром сдуло.

Костику полегчало, да и Степан расслабился. Этот КР был, по всем рекомендациям, ас в своем деле, – значит, он непременно сумеет предупредить о надвигающейся грозе!

А расслабившись, Степан вдруг вспомнил, что у него вообще-то есть любовница, которую он уже пару недель не видел, уклоняясь от встреч с ней под разными предлогами; и о том, что существует уйма разного рода посиделок и вечеринок, полезных для его бизнеса; и о том, что у него просто есть душевные мужские компашки, в которых он перестал появляться из-за всего этого спектакля с Кирой.

– Будем встречаться пореже, – сообщил он ей. – Раз в два-три дня. У меня есть масса других дел, которые я забросил, проводя все вечера с тобой.

– Я вас просила, что ли?!

– Какая муха тебя в челюсть двинула? Я ж ничего обидного не сказал! Ты меня, в натуре, не просила, мы с тобой вместе так решили, в общих интересах. Но я думаю, что видимость нашего романа не особо пострадает, если мы не каждый день будем встречаться!

– Мне, вообще-то, по фигу. Как хотите.

Степану показалось, что она обиделась, но он решительно

не видел, на что ей обижаться. Игра взаимовыгодная: она делает вид, что выполнила задание крестного, Дранковского, а он получил своего человечка во вражеском тылу. К тому ж он ей подарки делает – платьишки-то недешевые, а Кирка ему при этом даже не любовница. Радовалась бы щастью!

А-а-а, вдруг догадался он: наверное, боится, что ей теперь меньше подарков перепадет! Бабы, они такие, за шмотку-цацку душу продадут! Люся, его любовница, крашенная блондинка с роскошными сиськами, тоже дулась на него за двухнедельное отсутствие, но Степан прекрасно знал, как решаются проблемы Люсиного настроения, – стоит только ее пригласить в модный бутик!

Ладно, решил он, в следующий раз надо будет Кирке купить чего-нить... Браслетик там или бусы к платьишкам.

Вечером Люся выползла из бутика с пакетами и плюхнулась на сиденье его машины, полностью ублаженная.

– Где будем ужинать? – спросила она его, чмокнув в щеку в виде благодарности за подарки.

– Где хочешь.

Степан знал, что свое прямое назначение – то есть быть его любовницей – Люся начинает осуществлять только после ужина в дорогом ресторане, где демонстрировала свои обновки. К этому Степан тоже относился философски, поскольку был фаталистом. Так устроены вещи, так устроены люди, в частности женщины. Без толку возмущаться, себе

дороже.

Люся принялась размышлять вслух, в какой ресторан лучше поехать, как вдруг он ее перебил:

– Слушай, Люсь, а ты умеешь готовить рыбу под сливочно-лимонным соусом?

Она так изумилась, что даже не сразу ответила. Помолчав, она спросила с тихой угрозой:

– И кто это тебе готовит такую рыбу, а?

Рассказывать о Кире Степан не собирался. И не Люси-на ревность его останавливала: их с Кирой отношения были связаны с делами, о которых никому знать не положено.

– Никто. Но хочется попробовать.

– Я не умею готовить, – надула губы она, – и ты это прекрасно знаешь!

– А по книжке, Люсь? Ведь можно по книжке?

– У меня нет кулинарных книжек!

– Поедем, купим! Или в Интернете найдем рецепт!

– Степ, ты с ума сошел?

– Нет. Я хочу рыбу под сливочно-лимонным соусом! И ты мне сегодня приготовишь, по рецепту!

Весь вечер Люся демонстрировала, что оскорблена в лучших чувствах, вздыхала и возмущалась, но стряпала, поглядывая в рецепт, скачанный в Интернете. Степан тихонько усмехался, с некоторым садистским удовольствием слушая ее стенания.

Наконец они уселись за стол.

– Поехали! – поднялся он через минуту, отодвинув от себя тарелку.

– Куда?!

– В ресторан. Ты в который хотела?

– А рыба под сливочно-лимонным... Я весь вечер готовила, а ты даже не попробовал!

У Люси от обиды слезы показались на глазах. Она их аккуратно смахнула пальчиками, боясь, что тушь потечет.

– Я попробовал, Люсечка. Именно поэтому мы едем в ресторан!

– Ты что... намекаешь, что это невкусно?!

– Ну что ты, я вовсе не намекаю, что это невкусно!.. Это просто несъедобно, дорогая. Иди одеваться.

...За ужином, привычно поймав взгляды, которые бросали на Люсю мужчины, – на ее сверкающие под светом люстр золотые волосы, на ее белоснежную пышную грудь, которую так уверенно обрамляло низкое декольте, на ее нежные плечи, изящные руки, – он вдруг подумал с некоторым удивлением: и на хрен ему сдалась эта рыба под сливочно-лимонным?..

* * *

...Он стоял спиной к ней, в белых шортах, загорелый. Он играл на теннисном корте с мальчиком лет десяти, наверное,

сыном, – и что-то было до странности знакомое в его фигуре... Нет, не в фигуре, а в манере двигаться, пожалуй...

Или все-таки в фигуре?

Ощущение дежавю было настолько сильным, что Александра решила посмотреть на его лицо, хотя бы сбоку. А что такого? Люди играют в теннис, а идущие мимо корта на них смотрят – вполне прилично!

Он тоже повернул голову. У обоих черные очки, у нее и у этого мужчины. Узнавания не произошло, но дежавю усилилось.

Меж тем он равнодушно отвернулся от нее, и она не остановилась, пошла дальше, отгоняя желание вспомнить, кто это. Какая разница? На какой-то тусе, видимо, пересеклись, вот и все.

Александра сделала еще несколько шагов, и ветер донес до нее их речь: они говорили по-польски! Все встало на свои места. В Польше у нее ни одного знакомого не водилось, – значит, человек просто похож на кого-то. Похож, не более того.

Больше в тот день она его не видела, – в отеле четыре разных ресторана и не меньше тысячи постояльцев. Зато на следующий день...

– Санька-а-а!!!

Голос прозвучал так громко, так требовательно, что оглянулись все. Александра тоже посмотрела в предполагаемом

направлении. Никого не увидела, но почти сразу же угадала, куда смотреть: оголодавшая толпа отдыхающих, сформировавшаяся на подходе к шведскому столу, – время ужина, священное время! – зашевелилась, расступаясь. Еще немного, и в образованный ею коридор выбрался он – тот самый, дежавю. Встретив ее взгляд, он снова заорал: «Санька-а-а!», – и в ресторане воцарилась необыкновенная тишина. Умолк гул, звон тарелок – все уставились на него. А потом, проследив направление его взгляда, – на нее.

Он шел к ней, и Александра уже начала понимать, кто это... Не мозгом, а каким-то там двадцать шестым чувством.

Не дойдя до нее метров пять, он вдруг метнулся к одному столу, затем к другому, к третьему, выдергивая отовсюду крошечные букетики цветов, украшавшие ресторанные столики, собирая их в охапку...

Ну, точно! Точно так же он делал двадцать... даже чуть больше... лет назад, когда рвал на всех городских газонах цветы для нее!!!

Он приблизился. Ссыпал цветы ей на колени. Потом подхватил ее, сдернув со стула, прижал к себе так крепко, что у нее перехватило дыхание.

– Санька, родная, это ты, ты!!!

Ян. Это был он, Ян, – ее детская любовь! Первая, дивная, во всем невероятном блеске юного романтизма, чистоты и бескорыстия. Хотя о любви они никогда не говорили, свои

отношения называли дружбой и верили, что они таковыми и являются. Они, Санька и Янька, разлучились, когда им едва стукнуло четырнадцать, – Саша перешла в другую школу. Расставаясь, клялись никогда друг друга не забывать и действительно встречались еще года полтора, но все реже... Захватывали новые впечатления, новые люди, новые дружбы, новые увлечения. Но сейчас, вот в это самое мгновение, посреди ресторана, полного чужих людей, посреди чужой земли, стало вдруг так ясно, что это как раз и была ее *первая любовь!*

Александра, неожиданно для самой себя, вдруг разрыдалась.

– Янька!!!

Она обхватила его за крепкую загорелую шею (а была такая худая в школе!..) и плакала, уткнувшись в плечо.

Зал еще некоторое время созерцал это «реалити-шоу», но вскоре вновь загомонил и загремел тарелками. Сериал не имел продолжения: эти двое просто застыли в обморочном объятии, не двигаясь, – смотреть больше было не на что.

...Александра слыхала, что все эти социальные сети, где находят бывших одноклассников, однокурсников, однополчан и просто соседей по двору, имеют не только поразительную популярность, но и весьма ощутимые последствия: люди не просто находились, но и, случалось, разводились – для того, чтобы воссоединиться со своей первой любовью. Она

не понимала этого феномена и относилась к нему с некоторым недоумением: неужто люди столь неосмысленно складывали свою жизнь, что с такой легкостью ее разрушали в погоне за призраком прошлого, иллюзией «романтической любви»? А как же они тогда женились, рожали детей – без любви, что ли? Но по всему выходило, что существующий брак – тот, который разрушался во имя «первой любви», – был каким-то необдуманым и непрочувствованным решением. А тут вдруг всколыхнулся утраченный «романтизм» – и пошло-поехало! Развод; брошенный супруг (супруга); брошенные дети... Сплошной инфантилизм, эгоизм, безответственность – точка. Приговор Александры был окончательным и бесповоротным.

Но сейчас....

Чувство *родности* было настолько сильным, что у нее возникло ощущение, словно она вернулась домой. Из долгих странствий. Будто замкнулся некий круг, и все встало на свои места, и жизнь уравнилась.

О нет, у нее к Яну не возникло никаких чувств, похожих на любовь, – по крайней мере на любовь мужчины и женщины. Алеша незаменим, его место в ее душе неприкосновенно. И все же, и все же – Ян ощущался настолько родным, и так было радостно его обрести вновь, что ее сносило от счастья. От этого было немного не по себе, кружилась голова...

Оказалось, что Ян, полуполяк, полурусский, живет на две

страны.

Оказалось, что его сына раздирают две бабушки, русская и полька, что не всегда легко для мальчика.

Оказалось, что сам он кардиохирург (ну да, ну да, он ведь с детства мечтал стать хирургом!), оперирует и в Москве, и в Варшаве.

Оказалось, что он был женат дважды, и в общей сложности у него четверо детей, и что он в целом доволен своей жизнью...

И что он не забыл ее, Саньку. Никогда не забывал!

...Они проговорили весь ужин и еще уйму времени после ужина; потом Ян уложил сына. «Я ему сказал, что ты моя первая любовь!» – заявил он, вернувшись к Саше на террасу кафе.

– А он что?

– Он спросил, почему мы не поженились, – улыбнулся Ян. – Лично он твердо намерен жениться на девочке, в которую сейчас влюблен! Пришлось мне ему объяснить, что если бы он родился от другой мамы, то, собственно, родился бы не он, а другой мальчик. Что примирило его с отцовским легкомыслием.

– Он понял твои объяснения?

– Конечно! Он все знает о генах, он у меня вундеркинд, – засмеялся Ян.

– Есть в кого, – засмеялась в ответ Саша.

Янька в школе отличался талантами во всех науках, отче-

го был яблоком раздора между учителями: каждый прочил ему особый успех в своем предмете. Он был равно хорош в литературе и языках, в математике и физике. Но если память ей не изменяла, особенно хорош он был в музыке. Он играл на скрипке, и педагоги обещали ему великое будущее. У Александры до сих пор звучала в мозгу мелодия, которую он часто играл для нее, – она не помнила композитора, но мелодия была печальной, пронзительной... Из тех, что утаскивают на тонкой ноте душу невесту куда, не спросясь.

– Но... Янь, неужто твой сын не приревновал?.. Не обиделся за маму?

– Конечно, приревновал! – весело откликнулся Ян. – Но потом, позже. А первой его реакцией было сопоставление наших отношений с его собственным опытом! Поскольку он твердо намерен жениться на Марысе, то он с большим интересом отнесся к моему признанию!

...Они говорили, говорили, – сидя за столиком, потом гуляя по ночному пляжу, – и Александра даже ни разу не вспомнила о срочной статье.

* * *

Степан проморочился в магазине аж полчаса, выбирая браслет для Киры. Сначала хотел купить примерно такого же типа, как обычно дарил Люсе, а до нее другим женщинам: «богатый», с дорогими камнями, – и уже велел уложить его

в футляр, чем страшно обрадовал продавца: покупателей в ювелирных стало ощутимо меньше в кризис.

Но вдруг затормозил. Неправильное было что-то в этом браслете. Не в браслете даже, а в Кире... Ей такой не пойдет! Или она браслету не пойдет?

Он задумался, вспоминая платье, в котором она была с ним последний раз в ресторане. Одежки Кира выбрала сама, Степан только платил, – и вот тут возник полный консенсус: Кира с платьишками друг другу очень шли. Вот то, последнее, совершенно неизвестного Степану цвета, – то ли слов таких вовсе не существует, то ли его личный словарь беден? Вроде как темно-красное, но только не совсем красное, а как будто в него еще добавили розового... А может, и оранжевого, поди разберись! При этом оно было местами прозрачным, а в других местах имелись вырезы, спереди на груди, а сзади на спине, и смуглая кожа ее как-то хорошо смотрелась в этих вырезах... При всем при этом платьице было воздушным, ткань на нем волновалась и летала вокруг тела Киры... И все мужики в ресторане тоже волновались и точно бы залетали вокруг нее мухами, если бы не грозный вид Степана!

Интересно, вдруг озадачился он, как он выглядел рядом с этой мартышкой? А чего, она на мартышку похожа, жительницу джунглей, такую темную и ловкую... Или даже на этого, как его, Маугли! Ма-угли – угли – глаза у нее как угли, и челка поперек них висит, как у дикой, и вся она мускулистая и сильная, как этот самый пацан дикий, полузверь...

Так интересно, как эти все, в ресторане, смотрели на них? – вернулся Степан к исходной мысли. Эта Маугли, и он рядом, белокожий и... э-э-э... Жирным он, конечно, не был – это она загнула, свинюшка! Он просто плотный!.. Ну да, плотный, со светлыми волосами, чуть рыжеватыми... Со всем другой – они с Киркой очень разные...

– Так вы что брать будете? – вернул его к действительности голос продавца.

Он посмотрел на паренька. Костюмчик, галстучек – так и должен выглядеть натасканный персонал в приличном магазине. А раз натасканный, то может знать толк в таких делах.

– Мне нужно сделать подарок одной молодой... даме... Дочке друзей, в общем. Этот браслет ей не пойдет. Нужно что-то другое, да я не знаю что.

– Понятно, – кивнул паренек белобрысой головой, аккуратно подстриженной. – Блондинка, брюнетка?

– Брюнетка, но с такими рыжими прядями... Чуб у нее длинный, на глазах вечно, а сами волосы короткие.

– Стильная девочка. Кожа скорее смуглая?

Степан кивнул, а сам подивился слову «стильная». Что за «стиль» такой, волосы обрезать, тогда как женская красота вся в длинных волосах? Да еще чуб поперек глаз носить, того гляди окосеет...

– Возраст?

Опа-на! А он и не знает...

– Двадцать, – ляпнул он наобум.

– О, так это юбилей! Это обязывает...

– Нет, не юбилей, – спохватился он. – Она диплом какой-то получает... – придумал он с ходу.

– А дату ее рождения знаете?

– Послушайте... – он глянул на бейдж, висевший на лацкане серого пиджака продавца, – послушайте, Николай, я не пойму, какое это имеет значение? Помогите мне выбрать браслет для молодой... и *стильной*... девушки, вот и все.

– Очень даже имеет значение! Камни связаны с датой рождения, со знаком Зодиака. Например, если она Телец, то ей лучше изумруд, а если...

– Не надо мне по знаку Зодиака! – перебил его Степан, все больше раздражаясь. – Подскажите мне подходящий... *стильный* браслет!

Продавец глянул на него и умолк, принявшись задумчиво изучать свои витрины. Наконец он указал на один из ящичков:

– Здесь авторские работы. Думаю, лучше выбрать из них.

– Но тут не драгоценные камни!

– Блеск и стоимость камня не должна затенять красоту работы! По крайней мере, так считают художники-ювелиры, которые их создали. То же самое можно отнести к девушке: блеск и дороговизна украшения не должны затенять красоту самой девушки... Правда, прошу прощения, я не спросил: ваша племянница красивая?

– Ничего, – буркнул Степан.

– Ничего – это *ничего*, – заметил парень. – Если девушка

некрасивая, то в таком случае и вправду лучше выбрать ей браслет с доро...

– Да красивая она, красивая! Вот, ё-моё, пристал! Давай вот этот! – И Степан ткнул на тонкий ободок с тремя какими-то неизвестными ему камнями затейливой формы, которые по цвету напоминали Кирино платье.

Впрочем, по цене этот браслетик был вполне сопоставим с теми, что он дарил Люсе, и Степана это несколько утешило.

Он вернулся в «Аську» и первым делом заглянул на кухню. Кира была на месте, хотя народ уже давно разошелся.

– А, молодец, что меня дождалась!

– Вы, пожалуйста, больше так не делайте! – резко сказала ему Кира.

– Как? – озадачился Степан.

– Вы меня не предупредили – ни что уедете в конце дня, ни что вернетесь, и я не знала, ждать вас или нет. У меня свои дела есть, между прочим!

– Ладно, ну чего ты... Я не подумал.

– Вот в следующий раз думайте!

– А я подарок тебе ездил покупать! – улыбнулся он, полагая, что после такого заявления будет немедленно прощен.

– Для умственно отсталых специальный выпуск: *вы должны были меня предупредить, ждать вас или нет!!!*

– Да хорош, не ворчи... Смотри, чего я тебе купил!

Он раскрыл коробочку, показал Кире, – чтобы она уви-

дела, как красиво угнездилось в золотистом атласе украшение, – затем взял ее руку и надел на запястье браслет.

Кира никакого интереса не проявила и руку тотчас же опустила. Степан растерялся. Люся, да и все женщины, которым он дарил украшения, всегда бурно выражали восторг и благодарность!

– Не понял. Тебе подарок не понравился?

Кира глянула на запястье мельком, как смотрят на часы.

– Понравился. Красивый. Я и не подозревала, что у вас хороший вкус.

– «Спасибо» не причитается? – спросил он грубо.

– За что?

– Блин, я тебе подарок сделал, вроде как!

– Угу, браслет. Но не мне. Это вы себе подарили. Чтобы вам не стыдно было ходить в ресторан с герлой, у которой цапек приличных нет.

– С кем???

– С герлой. С «девушкой», это с английского, не знаете, что ли?

– Я по-русски говорю, а не на тарабарщине!

Кира только плечами пожала.

– К тому же ты чушь несешь! – продолжал кипятиться Степан.

– А что, разве не так?

Он вспомнил Люсю. Вообще-то так... Но и не совсем – Люся радовалась по-настоящему этим подаркам!

Он попытался ей это объяснить, но Кира...

– Да ничего в этом нет настоящего! Ваша Люся любит дорогие цацки и продается вам за них! – заявила она.

Степан обиделся до глубины души – и за себя, и за Люсю.

– Ты ее даже не знаешь! Как ты можешь?

– Да знаю я таких!..

– А ты, чем ты лучше-то? – напал он. – Ладно, допустим, ты не за подарки продаешься. Не очень-то я тебе поверил, но пусть так! Но ты ж все равно продаешься – за свою карьеру «менеджера кухни», которую тебе крестный обеспечивает! На большее ты не способна, а?! В институт какой-нибудь – умишка не хватает, а? Продалась за средненькую зарплатку, но о такой тоже не каждый мечтать может! Для неуча вроде тебя – предел мечтаний, а?!

Кира, набычившись, сверкала на него сумрачными глазами исподлобья. Словно всполохи отдаленной грозы – того и гляди гром раскатится!

Степана этот взгляд только распалил.

– Ты зачем ко мне в койку набила, ну-ка скажи! Чтобы ему угодить, вот зачем! Чтобы работенку свою не потерять! Это что, не продажа? Ну, давай, скажи, что нет, и, главное, убеди меня в этом! А то я малый недоверчивый. Тебе придется постараться!

Грома не последовало. Кира медленно подняла голову, отбросила с глаз чуб и уставилась ему прямо в зрачки. Губы ее изогнулись в высокомерной усмешке.

– С какой стати я должна стараться? – ледяным тоном спросила она.

Степан растерялся от такой наглости.

– Ну... Ты же высказала обвинения... Давай, обосновывай их!

– Дяденька, а кто вы мне, чтоб я на обоснования время тратила?

Степан был готов ее убить. Вот прямо взял бы и задушил, сволочонку эту!

– Какой я тебе «дяденька», блин! – выкрикнул он. – Тебе сколько лет, чтоб меня «дяденькой» называть?!

– Двадцать два. Вы мне не только в дяденьки, но и в папочки годитесь, между прочим.

Степан, которому было только тридцать девять, задохнулся от возмущения. Хотя, конечно, «папочкой» можно стать и в семнадцать...

– Да чтоб мне такую дочку... Я б такой аборт сделал! Чтоб не родилась!

– Аборты – это нехорошо, – усмехнулась Кира. – Знаете, в Америке за это...

– Да чихал я на Америку!!!

– Чихайте себе. А я пошла. Меня любовник ждет.

– У тебя есть любовник?!

– А что вы думали, только у вас любовницы?

– Да ничего я не думал! Валяй, убирайся отсюда!

– Неужто вы ревнуете?

– Я?!

– Тут вроде никого, кроме нас, нет!

– Да иди ты... в баню!

– Спасибо, что отпустили меня на сегодняшний вечер!

И Кира продефилировала к двери.

Степан опередил ее, клоунски распахнул перед ней дверь и шаркнул ножкой:

– Скатертью дорожка!

– Мерси, – ответила Кира и царственно выплыла на лестничную площадку. – Приятно вам провести вечер... с Люсей! – обернулась она, исчезая в лифте.

* * *

Статья была готова, но требовалось ее отшлифовать, что обычно занимало у Александры едва ли не столько же времени, чем само ее написание. Завтра утром она должна быть в редакции, и Александра предупредила Яна, что сегодняшний день придется ей целиком посвятить работе.

– Конечно, Санька. Не беспокойся, я не буду тебе мешать, – ответил он.

Он сдержал свое слово... в целом. Несколько раз он присаживался за ее столик, говоря: «Не отвлекайся, я просто посижу немного рядом с тобой!» – и вправду не произносил больше ни звука. Он не понимал – и Александра не сердилась на него за это, – что уже одним своим присутствием

он ее отвлекает, рассеивает внимание, столь драгоценное во время работы... Сие не дано понять никому, кроме пишущих людей!

В последний раз, уже после ужина, когда стемнело, он снова подсел за ее столик.

– Сегодня не закончишь?

– Закончу... Досижу до упора и закончу. Но только...

– Я понял. Успешной тебе работы, и до завтра!

Он сделал движение, будто собирался подняться, но вместо этого накрыл своей ладонью ее руку.

Она посмотрела на него.

– Ян...

– Спокойной ночи, родная.

Он поднялся и покинул опустевшую террасу кафе, где угнездилась Александра со своим компьютером.

Статью Александра отправила в редакцию уже утром – и потом спала долго-долго, проспала и завтрак, и обед. Но прелесть таких отелей, где «все включено», состоит в том, что в них практически в любое время можно найти что-нибудь перекусить.

Она спустилась вниз – тут как раз вовремя подвернулся полдник: на террасу вывезли столы на колесиках с напитками и пирожными-булочками всех мастей. Александра налила себе чашку чая, подхватила на ходу несколько печений: сойдет для запоздалого завтрака! – и села за столик на ули-

це. Яна не было видно, только его сын возник у подносов с выпечкой, набрал полную тарелку и исчез в здании. Видимо, Ян решил ее не тревожить и расположился где-то внутри отеля. Это было мудрое решение: в часы, следующие за ее пробуждением (в какое бы время суток оно ни случилось), Александра бывала не особо общительна.

Выпив чай, она заторопилась на пляж, чтобы успеть ухватить свою дозу солнца, уже вечеряющего, и моря, излишне теплого, на ее вкус, в эти часы.

...Яна она увидела незадолго до ужина, когда потягивала аперитив в баре, и в тот самый момент, когда он появился, она поняла: сомнений нет, он нарочно ее не искал раньше. Дал ей отдохнуть – то ли от статьи, то ли от себя. Потому что если бы он ее искал, то нашел бы. Так он находил ее всегда в школе, в любом месте – в коридоре, во дворе, в спортзале...

– Закончила? – спросил он, приблизившись.

– Закончила, отправила. И уже получила комплименты.

– От редакции? Или от читателей?

– Статья выйдет только завтра. Так что читатели пока не успели ее оценить, – улыбнулась она. – От редакции, от коллег. И от мужа.

– Здорово! Давай отпразднуем? Здесь есть пара платных ресторанов, один итальянский, другой рыбный. Я тебя приглашаю в любой из них, по выбору!

Если бы это был не он, не ее Янька, – она бы отказалась. Но *ему* отказать Александра не могла. Он имел право при-

глашать ее в ресторан! Оно было дадено ему, это право, изначально – их общим детством, их нежной дружбой – и не подлежало сомнению.

– Давай в рыбный. Я итальянскую кухню не очень люблю...

После ужина они немного потанцевали, вспоминая, как в детстве Саша обучала его рок-н-роллу. Теперь Ян танцевал вполне прилично, не без изящества даже, но тогда... Ох, тогда были одни курьезы!..

Они смеялись, перебирая воспоминания. Александре было легко и весело: чувство хорошо сделанной работы, музыка, теплый вечер, близость Яна и шампанское, которым они закончили ужин, – все это вместе вызывало ощущение легкой эйфории... Какая хорошая идея пришла Алеше – отправить ее на отдых!

...Несмотря на долгий сон, после танцев она почувствовала себя усталой и гулять по пляжу отказалась. Ян проводил ее, как сложилось с первого дня, до дверей номера. И поцеловал, как уже сложилось... Но на этот раз не в щеку, а в губы.

Александра не удивилась. *Это* витало в воздухе едва ли не с первого дня. Искушение близости, вот как *это* называлось. В нем не было страсти; оно казалось почти не физическим, почти лишенным сексуального влечения. Это было именно желание близости, соединения с настолько род-

ным существом, что казалось почти инцестом. Соблазн закончить жест, начатый в детстве: соединить, сомкнуть еще тогда протянутые друг к другу руки и губы... Жест, зависший в невесомости и незавершенности на многие годы.

Они целовались только однажды, в первый и последний раз, бегло и неумело, когда она уходила в другую школу и им обоим казалось, что мир рушится. И тогда она точно так же ощутила головокружительную родность его тела, его губ, его рук.

Саша тогда испугалась. О нет, вовсе не поцелуя! Она была девочкой «продвинутой» – хотя раньше так не говорили – и к своим четырнадцати прочитала всю доступную и недоступную литературу о плотской любви. Умом все поняла, но пока не телом, отчего не чувствовала себя к ней готовой и не торопилась. И, пожалуй, подсознательно боялась испортить их дивную дружбу с Яном переходом на поцелуи. Это было бы слишком банально. Практически все девчонки и мальчишки уже перецеловались, ради интереса, – а некоторые шли и дальше в познании столь волнующего предмета, – но то было совсем другое. С Яном нельзя было *ради интереса*.

Потом хотя они и встречались еще какое-то время – но больше ни разу не целовались. Связь их постепенно слабела: разность школ, разведенность в пространстве и времени делали свое дело.

Но сейчас тот поцелуй самым неожиданным образом заявил о необходимости продолжения. Жаждой превратить

многоточие в точку!

Это было странное, очень странное чувство. Незнакомое доселе, неиспытанное, но очень мощное.

Если бы не Алеша...

– Ян...

– Спокойной ночи, Санька!

Он пошел прочь по коридору в сторону лифта.

– Ян!

Он обернулся.

– Я люблю своего мужа.

– Я люблю свою жену, Санька.

Они помолчали. Он стоял в коридоре, освещенный неярким светом ламп, но глаза его...

Это было нестерпимо.

– Я рассказывал о тебе своим женам, я рассказывал о тебе своим детям. Как милую детскую историю, как прошлое... Сейчас же, Сань, я понимаю, что я никогда не переставал тебя любить. Но это, конечно, не повод, чтобы разрушать настоящее.

– Да, Ян.

– Спокойной ночи.

* * *

Ох, как Степан был зол на себя! Он совершенно не то сделал, совершенно не так! И она, гадкое это буратино-Маугли,

что она себе позволяет!

Он рванул вниз по лестнице – Кира уже выходила из здания, где располагалась ассоциация, – и последовал за ней, стараясь быть незамеченным. Любовник у нее, ишь ты! И что же это за любовник?!

Метро, – Кира ехала на метро... Степан забыл уже, когда последний раз спускался в подземку! Там оказались новые турникеты, за билетом пришлось бежать в кассу, – он ее чуть не упустил! Более того, она сделала пересадку, и он малость обалдел от пыльных коридоров... Но тащился за ней, куда деваться-то?!

Он доперся таким образом аж до Новогиреева. Но мучения его на этом не закончились: Кира встретила в очередь на автобусной остановке. Ехать с ней в одном автобусе Степан никак не мог и потому, отойдя подальше, поднял руку, голосуя.

Он взял первую же тормознувшую тачку и, дождавшись, пока приползет Кирил автобус, велел следовать за ним. На каждой остановке он всматривался, не вышла ли среди прочих пассажиров Кира...

Наконец увидел ее. Она направилась в глубь жилого квартала – Степан за ней. Улица такая-то, дом такой-то.

После чего он продиктовал водиле адрес «Аськи».

Ворвавшись в свою вотчину, он направился в отдел кадров, где жадно пролистал личное дело Киры.

Его поджидали открытия.

Ну, первое было не открытие, а так, пустяк: она жила именно там, в Новогирееве, на той самой улице, в том самом доме. Значит, она не к любовнику пошла, а к себе домой! Хотя вдруг наоборот, любовник пришел к ней?!

Зато настоящей неожиданностью стали для Степана две строчки:

– Возраст: *двадцать семь*.

– Семейное положение: *вдова*.

!!!

Он побарабанил пальцами по страницам ее дела. М-да, вот так дела... А он ей больше двадцати и вправду не дал бы... Она, выходит, ему соврала, когда сказала, что ей двадцать два. Зачем?

И *вдова*. То есть она уже была замужем. А ведет себя, как малолетка. Может, брак был фиктивным? И потом, что значит *вдова*? Отчего умер ее муж?!

Он рванул обратно, в Новогиреево, уже на своей машине, и дежурил под ее окнами еще полночи. Но никто не вышел из подъезда Киры. Значит, и про любовника она соврала!

...Или он остался у нее ночевать?!

Когда стрелки перевалили за три ночи, он вдруг очнулся. Словно протрезвел. «Степ, ты чё, рехнулся? – сказал он себе и порулил домой. – Кой хрен она тебе сдалась, эта дура Кира-буратино?!» – вопрошал он себя.

Его обида была глубока. Настолько глубока, что он решил разбудить Люсю.

– Люськ, я соскучился... – произнес он в телефон. – Я к тебе забурюсь сейчас?

– Но я сплю... – возразила Люся.

– Люсь, ты меня любишь? – неожиданно для себя самого спросил он.

– Конечно!

– Тогда я к тебе приеду.

– Ну, я же сплю...

– И что с того? Будем спать вместе! – невесть отчего раздражаясь, произнес он в трубку.

– Степ... Давай завтра, а? – он слышал, как она зевнула. – Мы с тобой завтра договорились поехать ужинать к...

Далее последовало название модного ресторана.

Степан с неприятным, сосущим холодком внутри отключился. Что-то сместилось в его жизни в неправильную сторону. Зачем он позвонил Люсе среди ночи с идиотским вопросом? Зачем ему в прошлый раз понадобилась от нее рыба под сливочно-лимонным соусом?

Это гадкое буратино, оно разрушало его мир, до сих пор такой внятный! Он ее просил?!

«Ну, погоди, Кирка, я тебе завтра устрою красивую жизнь!!!»

Пообещав себе это, Степан с относительно спокойной душой отправился домой, спать. На Люсю он несколько не сердился, но Кирка... Завтра она получит по заслугам!!!

Спать не очень удалось. Остаток ночи он проворочался

в постели, ища слова, которые скажет завтра Кирке. Уничтожительные такие слова... Убийственные! Чтобы она не смела больше...

Чтобы больше не смела ему говорить...

Чтобы не смела ему ломать отношение к Люсе... И вообще... Ко всяким вещам...

Он насилу заснул под утро и проснулся крайне раздраженный недосыпом и гадкой Киркой.

Но на завтра он начисто забыл о своем намерении проучить Кирку. Днем, на работе, дела были обычные, хоть и неприятные: пришлось ставить вопрос о сокращении штатов. Кризис, что б его!

А вот потом, в «Аське»...

Кира встретила Степана едва ли не у порога и впилась в его рот поцелуем. Степан даже не успел удивиться такому проявлению темперамента, как она тихо пробормотала: «Пошли быстро, есть новости, плохие».

Предупрежденный таким образом, он проследовал в свой президентский кабинет, в который Кира стукнулась через пару минут: принесла кофе, печенье. Поставила поднос на стол, вернулась к двери, притянула ее поплотнее.

– Сегодня статья вышла в одной газете, – тихо проговорила она. Затем, покопавшись под просторной блузкой, вытащила две сложенные вчетверо газетные странички. – Вот. Тут о нашей ассоциации. Хотя она не названа, но все дога-

дались. Крестный ходит мрачнее тучи.

Степан развернул странички. Они были вынуты из газеты-еженедельника, но он узнал издание по дизайну. Впрочем, на каждой странице было указано его название, не ошибься.

Он пробежал статью глазами. Ему не нужно было дочитать до подписи ее автора, он и так знал, кто статью написал.

– Спасибо, Кир, иди пока.

И как только она вышла, Степан Катаев набрал номер сотового журналистки, Александры Касьяновой.

Но ее телефон не отвечал. Ничего, Степан до нее дозвонится! Хоть весь вечер просидит, нажимая кнопки, хоть всю ночь, но дозвонится!!!

* * *

Статья, похоже, вызвала большой резонанс. Во всяком случае, на сайте газеты шли оживленные дискуссии. Одни благодарили Александру Касьянову за честность и умение называть вещи своими именами; другие, как водится, ругали. Неважно, за что именно: было бы желание, а предлог всегда найдется. Куда важнее, что люди реагировали, думали, спорили.

С легкой душой она отправилась на пляж и провела чудесный день, сполна насладившись морем, солнцем, отдыхом и обществом Яна. У него оставалось еще два дня отпуска, и

они оба, не сговариваясь, старались на полную катушку использовать эту неожиданную и чудесную встречу, чтобы наговориться и насмотреться друг на друга. Оба понимали, что жизнь снова разведет их, как только закончится отпускная сказка, встретятся ли они еще когда-нибудь опять?

Все слишком сложно, все слишком плотно расписано в жизни каждого из них, — в этой взрослой и давно отдельной друг от друга жизни больше не было места для детских чувств. Они, как в хрустальный флакон, оказались заключены в несколько коротких дней волшебного совпавшего отпуска в заморском отеле.

...На этот раз Александра ушла к себе пораньше, интуитивно избегая ритуала провожания. Расставаться в шумном, полном народу кафе было куда проще, чем у дверей ее комнаты. Дверей, служивших не столько препятствием, сколько соблазном.

Некоторое время Александра читала у себя в номере; затем включила компьютер и принялась набрасывать следующую статью. Отель меж тем затих. Ушли музыканты, закончились танцы, отдыхающие стали расходиться по комнатам.

Она вышла на балкон. На террасе кафе еще сидели несколько человек, допивая коктейли, да со стороны пляжа доносились взрывы смеха: русская компашка догуливала.

Она вернулась к компьютеру и поработала еще с часик, потом выключила его. Но спать не хотелось. Подумав, Алек-

сандра вышла из номера – решила прогуляться по ночному свежему воздуху.

...Ян сидел в кресле холла на ее этаже. Словно знал, что она выйдет.

Завидев Александру, он молча поднялся и пошел ей навстречу. Она непроизвольно отступила, потом сделала шаг вперед, головокружительный шаг в бездну, – и бросилась в его руки.

...Плохо быть взрослой. Слишком, слишком много всего в голове.

Они исступленно целовались уже минут пять, но ум втихомолку закидывал вопросы: пусть идет как идет? пусть случится что случится? или надо устоять? но ради чего? верности Алеше? или ради самой себя, чтобы потом не таскать с собой груз измены?

Эти вопросы портили все. От них потихоньку твердели ее губы, делаясь менее податливыми, от них каменело ее тело...

В результате выходило «ни два ни полтора», – их поцелуи порождали вопросы, а вопросы мешали целоваться. И это было, по меньшей мере, глупо.

Может, не так уж и плохо быть взрослой: по крайней мере, легче сделать трезвый выбор.

«Трезвый» – какое убогое слово!

– Ян... – она легонько отстранилась. – Давай на этом остановимся.

– Как скажешь...

– Я уже сказала.

Он разжал руки, выпустив ее из их кольца.

– ...Это будет лишним... – добавила Александра и тут же пожалела. Разве банальным словом «лишнее» описывается происходящее? Разве оно исчерпывает всю немыслимую сложность человеческих отношений?

...Когда-то Алеша ей изменил.² Но Александра отнюдь не считала, что этой изменой он выдал ей индульгенцию наперед. Мысль о мести тем более не посещала ее – это было бы попросту низко. С точки зрения Александры, право собственности не распространяется на душу и поступки другого человека, пусть и любимого... Она не присваивала себе даже право прощения: ведь это означало бы, что она его судит! А на каком основании? Он ей не принадлежит, он сам по себе, он поступил, как поступил, и только ему об этом судить!

Только ей было больно. Больно, она ничего поделать не могла.

Сейчас же, оказавшись сама на грани измены, Александра вдруг с неожиданной ясностью поняла, что тогда произошло с Алешей. Ей открылось, как можно раздвоиться в чувствах, какой разной бывает любовь, каким непохожим желание и как трудно с этим управляться...

И еще она знала, что ему будет больно от ее измены. Так

² См. роман Т. Гармаш-Роффе «Ведьма для инквизитора», издательство «Эксмо».

же, как ей тогда.

Врать? Это пошло. У Александры слишком хороший вкус, чтобы опуститься до пошлости.

Как все запутано в наших душах... Но только разве это называется словом «лишнее»?!

– Я не то сказала... – повинулась она.

Ян не ответил. В его глазах, мягко и чуть тревожно, мерцала грусть. Та грусть, с которой мудрец взирает на мир.

– Санька... – проговорил он наконец, – хочешь, пойдём погуляем по пляжу?

– Да, – ответила она. – Пойдём погуляем...

И в этот момент в ее кармане завибрировал сотовый.

«Алеша!» – подумала Александра, доставая телефон.

– Если муж мне звонит в такое время, – проговорила она обеспокоенно, – значит, что-то серьезное. Не дай бог с детьми!

Наконец она выпростала из кармана мобильный. На входящий посмотреть не успела, боясь, что звонки иссякнут.

– Касьянова, это вы?

– Кто же еще, – ответила она, пытаясь сообразить, чей голос слышит, понимая только одно: голос не Алешин, хотя и вроде бы знакомый.

– Вы добились своего, журналистка! Сегодня из-за вашей статьи убили моего директора! *Вместо меня!*

– Кто говорит? О чем речь?!

– Степан Катаев говорит. Моего директора, Костика, убили, понятно?! Из-за вашей статьи! А ведь я вас предупреждал: поосторожнее, дамочка! Тут у нас не шуткуют, у нас дела серьезные! Предупреждал? Предупреждал. А вы не послушались. И вот – Костика убили! Вместо меня! Вам бы только статью написать, свой гонорар получить да славу журналистскую слупить, а что люди из-за вас могут погибнуть, так вам по барабану, а?!

Он был пьян, Степан Катаев, Александра явственно слышала по его голосу. Но даже пьяный вряд ли бы такое сочинил...

– Объясните мне подробнее! Почему из-за моей статьи, отчего вы так уверены?! И почему вы решили, что его убили вместо вас?!

– Да иди ты, гражданочка, нах!

И он отключился.

Ян смотрел на нее во все глаза.

– Янька... Тут что-то непонятное, но очень плохое произошло... Прости, иди к себе.

– Расскажешь завтра?

– Обязательно, – рассеянно пообещала она.

Александра вышла на балкон, пытаюсь совладать с непомерно бьющимся сердцем. Катаев, он сказал ей, что ПО ЕЕ ВИНЕ убили человека?! Из-за ее статьи?!

Она еще с полчаса смотрела на тихо мерцающее под звездами

дами море, перебирая в уме фразы из своей статьи, пытаюсь примерить к ним столь страшное обвинение... Затем, очнувшись, бросилась вниз, в интернет-кафе. Но, к ее удивлению и досаде, по ночам оно не работало!

Поколебавшись, она набрала свой домашний номер. Алеша спит, без сомнения, – но делать нечего, ситуация требовала немедленного разрешения.

Услышав его сонный голос, она попросила его сначала поплескаться холодной водички в лицо, чтобы проснулся хорошенько, но Алеша заявил, что он привычный и слушает ее внимательно.

– Мне надо срочно вернуться в Москву, Алеш! Тут Интернет по ночам не работает, а мне нужен срочно билет, – ты можешь посмотреть в Интернете?

– Да объясни же, что случилось, Саш!

Александра объяснила в двух предложениях. Собственно, даже если бы ей захотелось приложить все свое красноречие, все равно больше двух предложений она не наскребла бы: вышла ее статья – и в тот же день убили директора ассоциации, деятельность которой служила ей для статьи примером. Хотя нет, у нее имелось третье предложение, с жирным многоточием в конце: *директора убили вместо президента...* Так, во всяком случае, он заявил.

– На твой взгляд, дурная шутка исключена?

– Полностью!

Алексей доверял Сашиним мнениям о людях, – если и

существовал у нее какой-то процент ошибок, то небольшой. Да и у кого его нет, процента ошибок?

– Саша, слушай меня внимательно: ты никуда не полетишь! Оставайся на курорте – ведь если все это правда, то и ты тогда в опасности, сечешь?

– Почему я?

– Сашка, перестань паниковать и включи мозги: у нас журналистов убивают за разоблачения, ты в курсе?

– Алеш, но я никакого разоблачения не писала! Я даже имя президента ассоциации не назвала, который мне интервью дал, – сослалась на то, что мой собеседник пожелал остаться инкогнито, как он и просил! И все, что я вывела из нашего разговора и моих расследований, – так в статье и написала: «В моем воображении нарисовалась следующая картина». В МОЕМ ВООБРАЖЕНИИ, Алеш! Это проблемная статья, как я обычно пишу, и все остальное служило лишь иллюстрацией к проблеме! Какие у кого могут быть к нему – или ко мне – претензии?!

– Саш, если ты попала в точку... А ты, без сомнения, в нее попала... Даже если это были выводы, основанные исключительно на твоём воображении... все же каким-то людям твоё воображение пришлось не по вкусу. Оно у тебя слишком хорошо развито. Ты только *смоделировала* ситуацию, да, – но, надо полагать, очень уж верно... Так что даже и не думай возвращаться!

– Алеш, но...

– Никаких «но». Мы поступим иначе. Дай мне телефон этого Степана... Как его?

– Катаев... погоди, найду его номер...

Александра нашла и продиктовала мужу.

– Когда он тебе позвонил?

– С час назад. И был, по-моему, пьян.

– Я созвонюсь с ним и все выясню. В случае надобности займусь этим делом. Поняла?

– Поняла...

– Вот и прекрасно, – заявил он. – Ложись спать, чтобы завтра в полной мере насладиться пляжем. Обещаешь?

– Обещаю...

– Я разберусь, не волнуйся, Сашка! Ты ведь мне веришь?

– Конечно...

– На том и поладим. И выбрось билеты из головы, договорились?

Часть II

Повесив трубку, Алексей еще раз перебрал в уме разговор с женой. Убедил ли он ее?

Может, не до конца... Но он верил, что Александра не станет сломя голову покупать билет и возвращаться в Москву без его ведома.

Одновременно он понимал, что успокоить жену он сможет только в том случае, если завтра же выдаст ей первые результаты. И потому, хоть и с сомнением глянув на часы – три ночи! – он набрал номер Степана Катаева.

Степан был не просто пьян, а архипьян. Надо думать, что за час с небольшим, который прошел между их разговором с Сашей и звонком детектива, Катаев накачался сверх меры. Однако он не спал – и не собирается, по его словам, – что несколько обнадеживало. Выяснив адрес, Алексей тут же перезвонил Игорю, своему ассистенту.

В отличие от Степана Игоря он явно разбудил.

– У меня тут одно срочное дело возникло, нужно отъехать прямо сейчас. Но я не могу оставить детей одних. Выручай!

– Но, Алексей Андреевич, я же не умею с ними... Вы лучше Ромку позовите!

Игорь был прав. Роман, старший сын Алексея, так неожи-

данно и жестоко возникший в его жизни совсем недавно,³ прекрасно умел управляться с малышами. Но отношения с парнем у него были весьма сложными. Просить его детективу не хотелось.

Игорь понял его молчание.

– Хорошо, я выезжаю. Буду у вас через полчаса.

– Знаешь что... Мне уже некогда, позвони Роману ты. А там сами решайте. Возьми ключи, я выйду минут через пятнадцать.

Запасная связка от новой квартиры всегда лежала в ящике письменного стола в его старой квартире на Смоленке, то есть той, где он прожил всю свою жизнь, пока они не съехались с Александрой. В этой старой трехкомнатной квартире находился его офис, там же занимал одну комнату Игорь: жилье включалось в плату за его работу.

– Договорились, – ответил ассистент. – Я прямо сейчас ему позвоню!

Алексей положил трубку, чуть усмехнувшись: он был практически уверен, что, вернувшись домой, обнаружит там именно Ромку.

Дверь ему открыла девушка – жена? любовница?

– Я к Степану... – коротко сообщил он.

– Входите. Он ждет вас.

Девушка отступила, впуская детектива, и он смог рас-

³ См. роман Т. Гармаш-Роффе «Расколотый мир», издательство «Эксмо».

смотреть ее на свету. У Катаева изысканный вкус, отметил он: такие лица, как у нее, не снимают модные фотографы – такие лица рисуют художники.

Впрочем, она могла быть Катаеву сестрой или дочкой, так что не стоит делать поспешные... – Алексей продвинулся в глубины квартиры.

...Нет, не могла! Никакого кровного родства между ними со всей очевидностью не имелось. Мужчина, безвольно расплзшийся в кресле, – без сомнения, Степан, – крупный, плотный, с коротким ежиком светлых волос, чуть рыжеватых, являл собой полную противоположность девушке – смуглой, черноглазой, грациозной. В руке он держал стопку с водкой, словно размышлял: проглотить ее или уже хватит?

– А, сыщик! – приветствовал он Алексея. – Ну, давай, доказывай, что твоя жена тут ни при чем!

Из телефонного разговора Степан уже знал, что Алексей Кисанов, частный детектив, является мужем журналистки Александры Касьяновой.

– Я ничего не буду доказывать, Степан. Сначала хочу услышать, что тут у вас приключилось, собственно.

– Ха! Костика убили! Только и всего! Вместо меня, понял?! – И он решительно опрокинул в горло стопку.

– Не понял. Давай по порядку. Для начала кто такой Костик?

– Директор мой. Ассоциации моей.

– У меня три вопроса, – произнес Алексей чуть поспеш-

но: боялся, что Степан вырубится от алкоголя. – Первый: как его убили? Второй: почему ты решил, что вместо тебя? Третий: с какого боку тут статья Александры замешана, на твой взгляд?

Степан что-то промычал, зажевывая водку кусочком черного хлеба с кружком соленого огурца на нем, и тут девушка выступила.

– Степ, – мягко произнесла она, – я все объясню.

– Валяй! – ответил ей Катаев.

Кира – так представилась девушка – поведала сыщику следующее: утром сего дня (или уже вчерашнего, если посмотреть на часы) о статье Александры Касьяновой «жужжали, как растревоженные осы, все сотрудники нашей ассоциации».

– Вашей?

– Ну да... Я в ней работаю.

– Кем?

– Это имеет значение?

– Не знаю пока.

– Я отвечаю за чай-кофеи. За кухню, словом... В общем, весь день только о статье и говорили. А несколько руководителей фирм, которые существуют под крышей ассоциации, выразили недовольство. Это небольшие фирмы, которые...

– Я читал статью Александры, схема ясна.

– А после работы мы со Степаном пошли в ресторан.

– Кто вы Степану? Любовница? Жена?

– Ни то и ни другое, – обиделась девушка. – Я ему просто подруга... просто друг!

– *Просто?*

– Вот именно!

– Правильно она говорит! – вдруг подал голос Степан. – Это она сегодня со мной снизошла на «ты», пожалела, смилостивилась в виду обстоятельств! – Он саркастически хмыкнул и тут же икнул. – А то все выкала!

Детектив усомнился, но спорить не стал: всему свое время.

– И при этом вы ходите вместе ужинать в ресторан?

– А друзья не ходят, что ли? – с вызовом ответила девица.

– Ходят, – вынужден был признать Алексей.

– Ходят-ходят, – поддакнул Степан.

– Только мы сели за стол, как ему позвонил Костик, – продолжила Кира.

– А какие у вас лично отношения с директором? Вы называете его Костиком – он тоже ваш друг... был?

– Нет, что вы, это я за глаза, его так Степан называет, ко мне и прицепилось... А так я исключительно по имени-отчеству с ним! Ведь он мой прямой начальник... был.

– И зачем он позвонил?

– Хотел поговорить со Степой.

– У вас какие отношения с директором были? – Детектив адресовал вопрос Степану, но тот, похоже, пребывал в пьяной дреме. Придется Алексею довольствоваться сегодня

только версией Киры.

– Очень хорошие у них отношения были, – откликнулась она на вопрос. – Не сказать что они близко дружили, но очень хорошие!

– Нормальные, – приоткрыл один глаз Катаев. – Я ему доверял. А он мне.

– Степан предложил ему подъехать к нам в ресторан. Костик... Константин Павлович вскоре появился, но ужинать не стал. Сказал, что обсуждать дела в ресторане не следует, а есть ему не хочется... Он вообще был нервный какой-то, но вчера все были нервные из-за статьи вашей жены...

Она вдруг передернулась и обхватила себя руками.

– Холодно... Не хотите выпить?

Алексей отказался, а Кира налила себе водки и отцедила глоток.

– Костик сказал, что подождет Степана на улице, – продолжила она, – а Степа дал ему ключи от своей машины и предложил посидеть в ней, пока мы закончим ужин. Конечно, вечер был уже скомкан, мы торопились доест, но все же прошло больше часа...

– А Костя на чем приехал?

– Либо на метро, либо на такси. Он на своей машине не ездил, – считал, что от нее только одни хлопоты.

– Что дальше было?

– А дальше все было ужасно... Мы вышли из ресторана – туда, сюда, но Степиной машины нигде не видно! И Кости-

ка нет! Степа страшно ругался, – он решил, что Костя вздумал покататься и про нас забыл или в пробку угодил... К тому же Костя давно не водил, навыки растерял, мог и в ДТП попасть... Степан звонил ему на мобильный, но безрезультатно, телефон не отвечал. Мы ждали-ждали, а потом взяли такси. Степа мне предложил у него переночевать, потому что я живу далеко... И мы поехали к нему – сюда то есть. Но спать не могли: волновались. А потом нам позвонили, уже за полночь, из милиции и сказали, что найдена машина Степана с трупом...

Кира выцедила еще два глотка из рюмки. Она пила довольно забавно: словно водка не лезла ей в горло, но по каким-то причинам она упорно желала ее заглотить. Так пьют скорее противное лекарство, веря, что оно поможет.

– Мы поехали на место, где нашли машину. Она стояла во дворе какого-то дома, я название улицы не помню... Как я поняла, машина заняла парковочное место одного из жителей этого дома, и он долго стучал в окошко, видя человека за рулем. Он думал, что Костик спит. А потом разозлился, дернул на себя дверцу и понял, что человек мертвый... Когда мы приехали, Костик все еще сидел в машине... Сложил руки на руле, а на них голову положил, будто и впрямь спит.

Она снова передернулась и снова глотнула водки.

– Мертвый – как? Ранения – огнестрельные, ножевые?

– Нет... Непонятно, в чем дело. Просто мертвый, а отчего – непонятно!

– Его убили вместо меня! – очнулся вдруг Степан и заглотнул содержимое очередной стопки, которую до сих пор каким-то чудом держал в руке. Уж он-то пил водку не как лекарство – ясно, что для него это был вполне рядовой компонент рациона.

– Какие есть основания так считать? – деловито осведомился детектив.

– Дык какие тебе еще нужно, муж журналистки! Меня закатали, всю инфу обо мне киллеру слили, включая модель и номер моей тачки... Эй, ты что это водку пьешь! – он потянулся в сторону Киры. – А ну дай сюда! Я же тебе запретил!

– Мне нужно согреться, – жалобно проговорила она. – Мне холодно...

– Возьми мартини или порто, – он отнял стопку у Киры. – А водку не смей! Не то опять мне ковер обгадишь!

Кира послушно поднялась и направилась к шкафчику с зеркальными полками с подсветкой, уставленными бутылками.

Хм, может, она и впрямь Степану просто подруга? – засомневался детектив. С любимой женщиной так не разговаривают!

Хотя, конечно, всяко бывает... Нельзя судить о других по себе, это методологически неверно!

– Так вот, киллер нашел мою машину, увидел в ней человека, принял его за меня. А там Костик был, ни в чем не повинный! И его угрохали! А потом убийца машину увел и

бросил в каком-то дворе!

– Понятно, – подытожил Алексей, которому ровным счетом ничего не было понятно. – Вы мне все-таки объясните, у кого имеется интерес заказывать президента?

– Я ж уже объяснил! – обиделся Степан.

Детектив с надеждой посмотрел на Киру, точнее, ей в спину. Она стояла у бара, изучая бутылки. Летнее белое короткое платье облегалo ее стройную фигуру. Длинные загорелые ноги, изящный изгиб бедра... Если у Степана с ней и впрямь только дружеские... хм... отношения, то у него, пожалуй, никакого вкуса и нет! – заключил детектив.

Кира не обернулась, колдуя у бара. Алексей все смотрел ей в спину, надеясь на ее пояснения – или любуясь?

Наконец она прихватила какую-то бутылку и вернулась к столику. Это оказался порто – португальский, настоящий. Усевшись и наполнив рюмку, Кира отбросила длинную челку и вскинула свои темные, немного азиатские глаза на детектива.

– Днем, когда у нас все кипели, обсуждая статью, был один такой момент... Дело в том, что фирмы, существующие под крышей нашей ассоциации, принадлежат людям, которые между собой хорошо знакомы...

– Кира, – нетерпеливо перебил ее детектив, – я вам уже сказал, что знаю!

– Но вы не знаете, что их всех объединяет мой крестный, Дранковский Виктор Станиславович. Он у них, фирмачей,

вроде главы профсоюза, – решает все вопросы со Степой от имени всех... Так вот, он днем подошел к Степану и сказал: «Зря ты дал это интервью! Теперь жди неприятностей!» И вечером неприятность случилась! – Кира поджала губы, словно ставя точку в обсуждении.

– Скажите, Кира... Со Степаном вы друзья, а с крестным, выходит, у вас плохие отношения?

– У меня никаких с ним отношений нет, по правде говоря. Он мне чужой человек. Когда-то давно он дружил с моим отцом, но они уже много лет не общаются... Потом они встретились случайно, и он, узнав, что я ищу работу, предложил место в офисе... А что?

– Да вот интересно получается у вас, девушка: вы прямоком подставляете его на роль убийцы!

– Почему?

– Ну как же, посудите сами: директора ассоциации убили, как вы оба утверждаете, вместо Степана, тогда как крестный ваш не далее как сегодня днем ему угрожал!

Кира смутилась и опустила глаза, но Алексей успел уловить острый взгляд ее очень темных глаз, чиркнувший по его лицу и оставивший ощущение царапины на коже.

– Я ничего такого не имею в виду... Рассказываю, как было, вот и все!

«Ох, не все ты рассказываешь, милая!» – подумал детектив. Но озвучивать сомнения не стал: рано.

– Меж тем фразу вашего крестного можно понять по-раз-

ному. В общем смысле: *теперь надо нам ждать неприятностей* или как угрозу Степану: *теперь ты жди неприятностей*? То есть в первом случае просто неприятная новость, а во втором так-таки угроза. Как ее поняли вы?

– Я... Я не сообразила про двойной смысл... Мне показалось, что это угроза...

Все это никуда не годилось! Киллеры огнестрельные дырки в теле оставляют! А Кира сказала, что никаких видимых ран, словно директор спал... Тут какая-то иная причина смерти – яд, вероятней всего... Что не есть почерк наемного убийцы!

– Допустим, – проговорил он нейтральным тоном, – Костю убили вместо Степана, допустим. Кроме той фразы крестного, которую вы поняли как угрозу, у вас есть другие основания считать, что кто-то желает смерти президента?

Кира посмотрела на Степана, словно ожидая от него разрешения ответить. Но тот сделал жест рукой, пресекая. Он выпрямился в кресле, подобрался.

– Скажи, детектив, ты зачем ко мне приехал?

– Чтобы узнать, что тут приключилось, – пожал плечами детектив.

– Тут смерть приключилась. Что дальше? – И он уставился тяжелым взглядом на Алексея.

Кира вновь хотела вмешаться, но Степан снова махнул рукой в ее сторону запретительным жестом.

– Дальше – разобраться. Найти убийцу, если получится.

– Зачем?

Алексей удивленно посмотрел на Катаева, но сразу же сообразил, в чем заковыка.

– Ты полагаешь, что я хочу любой ценой выручить свою жену... Верно?

– Именно так я и полагаю!

– Разумеется, я хочу ее выручить – точнее, снять с нее твое обвинение! – но не *любой ценой*. Я хочу найти преступника и понять, почему он убил вашего директора. Тогда и станет ясно, связано ли это преступление со статьей моей жены.

– А если связано?

– В статье нет ни одного имени, нет даже названия вашей ассоциации! Об этом ее просил ты, жестко поставив условие анонимности перед тем, как согласиться на интервью. И Александра твое условие полностью выполнила. Кроме того, ее статья вовсе не о вас и ваших делах – статья *проблемная*! Где ваша ассоциация фигурирует как один из целого ряда примеров. Теперь, если следовать твоей логике, в каждой из пяти-шести упомянутых ею организаций нужно срочно искать трупы?

Степан молчал, но Алексею показалось, что в глазах его мелькнуло что-то отдаленно напоминающее согласие.

– Для того чтобы всерьез испугаться и начать устранять президентов и директоров ассоциаций, должны существо-

вать причины куда более глубокие, чем публикация Александры, – добавил он. – В таком случае я постараюсь их откопать.

– Ладно... Давай, валяй. Ищи.

– Я хочу услышать ответ на вопрос: почему ты решил, что кто-то желает твоей смерти?

– По кочану. Я тебе, может, еще чего-нибудь расскажу, но потом. Посмотрю на тебя сначала. И не думай, что я тебе платить стану!

– Расслабься.

– Вот-вот, мы тут уже расслабляемся... А, Кирка? Расслабляемся?

Он нашел неверной рукой бутылку с водкой и снова наполнил свою стопку, наплескав вокруг изрядную лужицу.

– Я постараюсь завтра разузнать, какова причина смерти этого вашего Костика... Может, у него просто инфаркт случился, и никто его не убивал!

– Инфаркт? Ну-ну, – отреагировал Степан.

– Я свяжусь с вами, как только у меня будут новости.

– Валяй, журналисткин муж! Если это из-за нее Костика убили да вместо меня, то я тебе шею сверну, понял? И ей тоже, понял?

Алексей молча поднялся и покинул квартиру Степана Катаева.

Дома было тихо. Он заглянул в комнату малышей, кото-

рые безмятежно спали в своих кроватках, затем приоткрыл дверь гостиной: на диване кто-то посапывал под пледом. Разглядеть, кто именно, в темноте было невозможно, и Алексей ступил на пару шагов в комнату.

Не помогло. Плед прикрывал голову, а лицом его ночной «нянь» отвернулся к спинке.

Кто бы это ни был, Игорь или Роман, детектив не хотел тревожить сон своего помощника, поэтому на цыпочках вышел, легонько притянув за собой дверь.

Утром он проснулся довольно поздно и удивился, что дети его не разбудили. Обычно эти котята не церемонились – поди объясни полуторогодовалым малышам, что папа всю ночь не спал! Они забирались к нему в постель, они по нему ползали, на нем катались, на нем играли друг с другом, пока он долавливал последние полчаса сна, а затем начинали его будить. Кирюша стаскивал с него одеяло, а Лизанька пыталась открыть его глаза своими крошечными пальчиками.

Но сегодня в квартире стояла странная тишина. Он заглянул к детям в комнату – пусто. Хм, как это понимать? – забеспокоился он.

Ответ принесла ему кухня: стол хранил следы детского завтрака. Алексей заглянул в мусорное ведро: точно, сверху лежали использованные «памперсы». Картину довершил коридор, в котором отсутствовала двойная прогулочная коляска.

Конечно, Роман! Только он мог накормить малышей, пе-

ременить штанишки и отправиться с ними на прогулку...

Детектив без особого труда разузнал, в каком морге находится тело Константина Урепкина, и созвонился с судебно-медицинским экспертом. Об аутопсии вне очереди прозектор не желал и слышать – у него целая очередь из жмуриков, и по каждому следователи кричат «скорее!»; зато по этому трупу никакой срочности заявлено не было, и он ни за какие коврижки не станет делать вскрытие в обход правил, потому что работает он на следственные органы, а не на частного детектива, и та-та-та, и та-та-ти...

Алексею почудился в его речи намек на плату – и он был готов заплатить любую цену, чтобы получить хоть начатки дела в руки! Ситуация могла угрожать непосредственно Александре – в лице обезумевшего Степана или убийц Костика... Неважно, ошиблись ли они персоной, но если убивают тех, кто, на их взгляд, слишком много знает, то в их число может попасть и его жена!

Однако эксперт с негодованием отверг его предложение. После упорных торгов детективу удалось договориться о следующем: он подъедет в морг к концу дня, и СМЭ (судебно-медицинский эксперт) постарается сделать предварительные заключения по *внешнему*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.